

ЧЕРНЫЙ ВДОВЕЦ

Мика Ртуть

18+

Мика Ртуть

Черный вдовец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67775496

SelfPub; 2022

Аннотация

Ты – лорд Бастельеро и далеко не безобидный мальчик, но это не мешает Судьбе подкидывать проблемы одна другой опаснее. Над твоим родом тяготеет проклятье, властная матушка входит в сговор с королем, за тобой охотятся спецслужбы двух империй... И чтобы выжить, остается только рискнуть и выиграть. А помочь тебе в этом может странная девушка, попавшая в твой мир по прихоти Богов и... странный зверь "кот" по кличке Собака.

Содержание

Глава 1, о вдовствующих принцессах и погорелом театре	4
Глава 2, о цветных котиках, родне белых кроликов	16
Глава 3, о пряничных домиках и голубых феях	53
Глава 4, о суровых буднях контрразведчика	74
Глава 5, о делах семейных и государственных	95
Глава 6, о тяжелой шпионской доле	109
Глава 7, о черном-черном замке и белых-белых розах	123
Глава 8, о кошке, молоке и подвохе	138
Глава 9, о сокровищах и чудовищах	147
Глава 10, о красоте, которая страшная сила	168
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Мика Ртуть

Черный вдовец

Глава 1, о вдовствующих принцессах и погорелом театре

Виен, столица Астурии. Особняк семейства Бастелье-ро-Хаас

Людвиг

– Людвиг, завтра ты женишься.

Ее светлость Эмма Бастельеро-Хаас, вдовствующая кронпринцесса и по ужасному попущению небес матушка Людвига, ласково улыбнулась и легким движением брови велела горничной наливать чай. В четыре часа пополудни ее светлость всегда пила хмирский чай с крохотными безе.

– Я уже был женат, матушка, если вы забыли, – Людвиг смерил горничную и безвкусный чай холодным взглядом. Угловатая и отчаянно некрасивая девица вздрогнула и едва не пролила кипяток.

Ее светлость вдовствующая кронпринцесса улыбнулась еще ласковее.

– Дорогой мой, не упрямясь. Я знаю, что делаю. Сам Удав,

сын Тигра, составил твой гороскоп. Ты даже не представляешь, во что мне это обошлось! И все ради тебя, неблагодарный ты сын. — Она на миг прижала к сухим глазам кружевной платочек.

— Мне не нужен гороскоп, матушка. Сколько раз я говорил вам, что не верю в это шарлатанство! И жениться не собираюсь.

— Не спорь со мной! На этот раз все получится. Сын Тигра обещал, что она снимет проклятие! Ради тебя я... — ее светлость вздохнула и отпила чай из чашечки костяного фарфора.

— Я ценю вашу заботу, матушка. Но...

— Молчи! — перебила ее светлость, звякая чашечкой о блюдечко; Людвиг с трудом удержался, чтобы не поморщиться от дребезжащего диссонанса. — Материнское сердце скоро разорвется от горя и безысходности! А ты... Ты был таким красивым милым мальчиком, а теперь... теперь ты монстр. Но я избавлю тебя от этого несчастья! Не будь я Эмма Катарина Бастельеро-Хаас!

— Нет, матушка!

— Герцог Людвиг Пауль Бастельеро! Вы женитесь на меффрау Амалии Вебер!

— На этой змее?... — не веря своим ушам, переспросил Людвиг и спрятал зачесавшиеся руки под стол. Жаль, что не мог спрятаться целиком, вся кожа нестерпимо зудела. — Матушка, ни за что!..

Ее светлость сделала вид, что ничего не услышала. И, разумеется, не заметила тонких чешуек, проступивших на коже единственного сына. Она никогда не замечала столь неприличных, неподобающих аристократу вещей.

– Женитесь и снимите клеймо позора с нашей семьи!.. – продолжала она, позабыв о стынущем чае. – Из-за вашей порченной крови ваши сестры не могут найти приличную партию, из-за вас скончался мой драгоценный супруг. Из-за вас!.. – в качестве последнего довода ее светлость уронила прозрачную слезинку аккурат на кружевной платочек, прижала этот платочек к сердцу и взглянула на Людвига глазами раненой лани.

Людвиг сжал кулаки. Под столом. Он мог бы многое сказать о смерти драгоценного супруга ее светлости, собственного непутевого папеньки. К примеру, что в его возрасте кутить сразу с двумя юными танцовщицами кордебалета – непозволительная роскошь, особенно после трех бутылок красного. Сердце не выдержало собственного распутства, а не сыновнего позора.

Но промолчал. Не стоит сильнее расстраивать матушку, а то в самом деле сляжет с мигренью или того хуже. В матушкиных болезнях Людвиг не разбирался, но лейб-медик утверждал, что любое серьезное потрясение может убить ее светлость, ее здоровье и так подорвано потерей супруга, – и ее светлость напоминала об этом неблагодарному сыну при каждой попытке отстоять свое мнение впрямую. Так что Лю-

двиг давно и в совершенстве освоил тактику маневрирования и уклонения.

– Вы же знаете, матушка, быть моей женой – опасно для жизни. – «Я же убью эту приторную гадюку, едва мы останемся наедине! Или вообще во время церемонии!» – Вы же не хотите для племянницы вашей дорогой подруги безвременной смерти.

– Пустое! – отмахнулась ее светлость; Людвиг готов был ставить свой новейший лабораторный увеличитель против шаманского бубна, что матушке совершенно все равно, что станет с его женой, лишь бы сделала то, что от нее требуется. – Вы поженитесь, она снимет с тебя проклятье, и у вас будет прекрасная семья! Тебе давно пора обзавестись наследником, иначе твои сестры...

– Матушка, я не собираюсь жертвовать своей свободой ради... – он хотел сказать «трех жеманных пигалиц», но снова сдержался. Жеманные пигалицы, в отличие от него, семью не позорили. – Даже ради сестер. Прошу прощения, но меня ждут дела.

Ее светлость душераздирающе вздохнула и снова поднесла к глазам кружевной платочек. Людвиг удивился, неужели матушка вот так легко его отпустит, даже без рыданий, нюхательных солей, монолога о проклятой крови Бастельеро и загубленной жизни? Но удивлялся всего мгновение. Не успел он подняться, как ее светлость отложила платочек и велела:

– Сиди. Твои дела подождут.

Людвиг выругался про себя. Когда матушка оставляла погорелый театр и говорила таким тоном, ее не осмеливался перебивать даже его величество Гельмут. Людвиг тоже не пытался, потому что знал: проще остановить солнце, чем ее светлость Эмму, если она чего-то по-настоящему хочет. Единственным, что до сих пор смело сопротивлялось ее светлости, было семейное проклятие.

– Что-то еще, матушка?

– Я не хотела тебя расстраивать, сын мой, но ты меня вынуждаешь. – Она протянула Людвигу сложенный вчетверо листок.

Молча развернув его, Людвиг прочитал несколько строчек, написанных рукой короля. Смысл был предельно ясен: три дня тебе на женитьбу, иначе ссылка в поместье и опала. Никаких объяснений, ничего. И, судя по чересчур сильному нажиму и слишком резким росчеркам, король был зол. Сильно зол.

Сжав зубы, Людвиг скомкал записку и швырнул ее в камин. В высшей точке траектории она с треском вспыхнула, и на вишневые поленья упали лишь хлопья пепла.

Ее светлость неодобрительно покачала головой.

Зря. Ведь намного лучше сжечь бумажку, чем разгромить чайную комнату, а Людвиг сейчас был к этому очень близок. Настолько близок, что даже не стал ничего говорить матушке. Поднялся, коротко поклонился – и, стараясь не слишком

печатать шаг, покинул комнату.

Лишь когда за его спиной закрылась дверь, а дежурившая под дверью горничная сдавлено охнула, он опустил взгляд на свои руки.

Черные. Покрытые хитиновыми чешуйками. Но все еще человеческие.

Что ж, неплохо.

А вот в зеркало смотреть он не стал. Потому что точно знал: ему не понравится то, что он там увидит.

Час спустя Людвиг припарковал свой мобиль у скромного дома на Айзенштрассе, кинул ключи выбежавшему лакею и, не обращая внимания на любопытных мальчишек, плящущихся на диковинное средство передвижения, зашагал к подъезду.

Дверь перед ним отворилась с мелодичным звоном: фаре-ми, фаре-ми. Людвиг улыбнулся одной стороной рта: идеально чистый звук! Хоть что-то приятное сегодня!

– Мон шер, какая приятная неожиданность! – раздалось сверху, как раз когда он снимал шляпу и отдавал ее лакею вместе с перчатками.

Голос у мефрау Тори Балъез тоже был чистый и мелодичный, а франкский акцент придавал ему особую, чуть шершавую, горчинку. Именно за голос Людвиг и выбрал себе лю-

бовницу. Содержанку, если быть точнее.

По лестнице застучали каблучки, пахнуло сладко-терпким восточным ароматом, и Людвигу на шею бросилась Тори. Миниатюрная, стриженная под мальчика, хрупкая и изящная, как статуэтка, она нежно поцеловала Людвига в уголок губ, тут же отскочила, не позволив себя поймать, и покружилась на месте.

– Мне идут твои подарки, правда же, мон шер?

– Весьма, – кивнул Людвиг, оценивающе разглядывая ножки, мелькающие в разрезах полупрозрачной юбки: видимо, именно этот разноцветный шелк он и оплатил на прошлой неделе. Наверняка не только его, но секс с Тори определенно стоил некоторых трат.

Умеренных.

Одним из ее неоспоримых достоинств был разумный подход: не требовать больше, чем он готов на нее потратить.

– Отчего ты так мрачен, мон шер? Опять работа? – почти пропела Тори, остановившись. Шелковая тряпочка словно невзначай соскользнула с плеча.

Людвиг слегка поморщился.

Иногда Тори слишком много болтала. Для ее шустрого язычка есть более полезное занятие.

Скинув сюртук на руки лакею и жестом отправив его прочь, он шагнул к девице и, когда она подалась навстречу, надавил ей на плечи, заставляя опуститься на колени. Она стрельнула на него глазами, облизнулась и отработанным

до изящества движением расстегнула его брюки. Скользнув пальцами под белье, восторженно ойкнула.

Прикрыв глаза, Людвиг позволил ей взять себя в рот.

О да. Именно то, что нужно сейчас. Влажный жаркий ротик и ловкий язычок.

– Хорошая девочка, – Людвиг одобрительно погладил ее по голове. Хорошая, умелая и послушная девочка, не пытается касаться его руками, а заложила их за спину.

Ровно три минуты и двадцать секунд – он засек по ручному хронометру – Людвиг размеренно и глубоко дышал, не позволяя возбуждению захватить себя. Не так уж плохо, тем более после разговора с матушкой.

– В постель, – велел он, когда самоконтроль начал давать трещину.

Тори молча повиновалась: изящно поднялась на ноги, развернулась и, на ходу спуская с плеч платье, пошла наверх. Шелковые тряпочки одна за другой падали на ступени лестницы...

Брийо, столица Франкии, штаб ордена Белой Лилии

В Ордене Белой Лилии, хранящем безопасность Франкии, давно привыкли, что его глава может не покидать свой кабинет сутками. Ходили слухи, что кавалер Д'Амарьяк – то ли оборотень, то ли вампир, то ли еще какой монстр, и потому не спит неделями, видит людей насквозь, взглядом сбивает

на лету голубей и заставляет дипломатов говорить правду. Его секретарь, мсье Товиль, никогда не опровергал этих слухов, хотя точно знал: его начальник – чистокровный человек. Но вот обычным его назвать было никак нельзя.

– Товиль, барона де Флера ко мне. Немедленно, – раздался из переговорного устройства низкий глуховатый голос Д’Амарьяка.

Глянув на хронометр на стене, – тот показывал три ночи, то есть «четверть часа, как доставили гранки утренних газет», – секретарь привычно ответил:

– Будет исполнено, – и в который раз за двадцать лет службы порадовался своей странной способности засыпать и проспаться мгновенно, да и вообще не обращать внимания на время суток за окном.

Впрочем, в Малой приемной главы Ордена, где мсье Товиль проводил большую часть жизни, окон и не было: безопасности ради. Зато было пять новейших, защищенных от прослушивания фониелей, к одному из которых и потянулся мсье Товиль.

Барон де Флер, которого звонок застал на половине пути к кровати, явился через двадцать с половиной минут. Высокий, хмурый, небритый, в криво застегнутом сюртуке, он вошел ровно в тот момент, когда мсье Товиль опускал в кофе кавалера Д’Амарьяка кубик сахара. Чашка барона – черный кофе с половиной рюмки бренди – уже была готова.

Пройдя вперед барона, Товиль отворил одну – две откры-

вались только для императора – дверную створку в освещенный модифицированными газовыми рожками кабинет.

– Барон де Флер, – доложил он и поставил поднос на стол.

Стол этот был сделан гномами по специальному заказу, как и обитое бархатом кресло главы Ордена. Благодаря хитрой конструкции и парочке встроенных артефактов кавалер Д’Амарьяк, сидя за своим столом, казался почти нормально-го роста. К тому же, благодаря конструкции и артефактам, его искривленная спина не болела. Иногда, забирая у лейб-медика еженедельную порцию снадобий, Товиль склонялся к мысли, что императорский подарок – а именно его величество позаботились о своем верном слуге, и от стоимости подарка у казначея наверняка случился сердечный приступ – служил одной из причин любви Д’Амарьяка к круглосуточной работе.

– Барон, – Д’Амарьяк жестом велел де Флеру садиться и брать кофе. Товилу же хватило лишь начальственного взгляда, чтобы понять: он больше не требуется, можно возвращаться на место. – Вы видели завтрашние газеты? Фрау Бастельеро заявляет, что ее сын завтра женится! Как вы думаете, на ком?

Кивком поблагодарив главу Ордена, барон уселся на вполне удобный гостевой стул.

– На мадемуазель Амалии Вебер, – ответил он прежде, чем отхлебнуть из своей чашки.

– Мы планировали, что месье Людвиг женится на вдове

графа Рокле, а не на этой... ветреной мадемуазель.

– Мадам Бастельеро бывает весьма неуступчива, – безэмоционально возразил барон и потер глаза. – Ваша светлость, я сделал все возможное. Мне удалось завербовать мадемуазель Вебер в самый последний момент, и поверьте, стоило это недешево.

– Надеюсь, не деньгами Ордена, – проворчал Д'Амарьяк, и барон де Флер позволил себе мимолетную улыбку. А Д'Амарьяк потер седые виски и продолжил: – Отвратительные новости, барон. Я получил известие из Нового Света: кронпринц отплывает домой и прибудет не позже, чем через два месяца.

Барон де Флер едва сдержался, чтобы не выругаться, как портовый грузчик.

– Два месяца! – нахмурившись, повторил он.

– У нас нет и одного. Лейб-медики дают его величеству не больше трех недель. Если боги будут очень добры, то четыре. Мсье Людвиг – наша последняя надежда.

Барон мог бы ответить, что эта последняя надежда – самая ненадежная из всех возможных соломинок, но не стал. Если кронпринц не успеет вернуться, пока император жив, начнется гражданская война. Демонами покусанные герцоги ни за что не откажутся от шанса уместить задницы на трон, а дорогие соседи только и ждут возможности отхватить куски территории. Нет уж, лучше соломинка, чем гарантированный хаос и кровопролитие.

– Бастельеро не идет на контакт. От денег он отказался, племянница императора в качестве невесты его не интересует, в карты он не играет, скачки не посещает, актрисок терпеть не может. Примадонну Императорской Оперы выставил из дома и послал учить сольфеджио! А моего лучшего агента проклял так, что орденские медики вторую неделю не могут вернуть ему человеческий вид. – При воспоминании о зеленокожем в оранжевый горошек агенте барон потряс головой: чувство юмора у мсье некроманта оказалось крайне специфическим. По типу «то ли плакать, то ли смеяться». – Мои люди пытаются выяснить хоть что-то об их родовой тайне, собрали всю информацию о его покойных женах, но пока ровным счетом ничего, на что можно было бы надавить. Надеюсь, молодая супруга найдет его секрет.

– Не затягивайте, барон. Я точно знаю, что наша доблестная оппозиция тоже охотится за месье Людвигом. Но вычислить их агента мне пока не удалось. Вот зараза! – грохнул кулаком по столу карлик. – И не обратиться за помощью открыто! Наш выживший из ума старик перессорился со всеми дворами!

Барон де Флер промолчал, хотя целиком и полностью был согласен с Д'Амарьяком насчет императорского маразма. Ругать его величество мог только месье Д'Амарьяк, всем остальным это грозило лишением головы.

Глава 2, о цветных котиках, родне белых кроликов

Москва, Россия

Рина

Натянув поверх любимой рубашки стеганную жилетку и схватив сумку с учебниками, Ринка выскочила за дверь и помчалась вниз по лестнице. На первом этаже она едва не сшибла бабульку божий одуванчик.

– Ой, простите! – она поддержала соседку под острый локоток, а то еще упадет.

– Ничего, деточка, не волнуйся. К тебе не приходила Аполлония?

– Нет. Извините, я...

– Ничего-ничего. На улице дождик, как бы Аполлония не простудилась...

Последние слова бабульки заглушил гул открывающейся двери в подъезд. Ринке хотелось бы надеяться, что это пришла Аполлония порадовать свою бабульку, но, увы, кошке металлическая дверь была не по зубам. И не по лапам. А вот Петру...

– Я уже иду, Петь! – крикнула она и ссыпалась по последнему лестничному пролету прямо в руки своему... ухажеру?

Кавалеру?

Парнем или бойфрендом назвать Петра язык не поворачивался. Слишком взрослый, серьезный и основательный, одни офисные костюмы чего стоят! Честно говоря, Ринка никак не могла понять, что он в ней нашел: ни особой красотой, ни умом она не блистала. На биофак МГУ поступила только потому, что бабушка сорок лет там преподавала, а куда хотела – ее не взяли. И не возьмут уже.

Ринка помотала головой, отгоняя болезненные воспоминания. Хватит. Не случилось – и не случилось. Плакать она больше не будет. Не дождутся!

– Ты опять не посмотрела на градусник, – раздался над ухом хорошо поставленный начальственный тенор. – Я же просил, одевайся как следует.

Ринка вздохнула и зажмурилась. Она бы лучше укрылась под лестницей, а еще лучше – под льдиной на Северном полюсе, но от Петинной заботы так просто не скроешься. Где угодно достанет.

Потому Ринка, прикусив язык во избежание бессмысленного и беспощадного скандала, издала мычание, которое при желании можно было принять за согласие, раскаяние и даже торжественное обещание всегда-всегда смотреть на градусник. И надевать шапку. И перчатки. И калоши. И тулуп! Два тулупа!!!

– Не пыхти, Рина. Я о тебе забочусь, – укоризной в голосе Петра можно было молоко сквашивать. – Я не могу допу-

стить, чтобы моя невеста, будущая мать моих детей, по-глупому простудилась и заболела ангиной!

От упоминания будущих детей в горле образовался комок, и еще больше захотелось куда-нибудь деться, но Ринка напомнила себе: все хорошо. Все давно прошло и больше не повторится. И вообще, Петр – именно такой мужчина, который ей нужен. Основательный. Ответственный. Для него семья на первом месте. Радоваться надо! А что воспитывает... ну... у каждого свои недостатки.

Ринка потянула Петра из подъезда. Ладно, выслушать нотацию она может, в конце концов, в самом деле оделась не по погоде и зонтик забыла. Но не при соседке же! Отчитывает, как двоечницу-первоклашку!

– Идем, мне пора на лекцию.

Волшебное слово «лекция» сработало. Петр очень одобрял здравый подход Ринки к учебе – в смысле, что надо получить хорошее образование, и в универе надо учиться, а не гульки гулять и водку пьянствовать. Прямо как папа...

Нет, не стоит по сотому разу прокручивать: а если бы папа отреагировал иначе? А если бы она смогла найти нужные слова? Если бы, если бы! Если бы все сложилось так, как мечталось – она сейчас была бы замужем за совсем другим человеком, и она ездила бы не в универ, а в консерваторию... И не вздрагивала бы при каждом звонке от отца.

– ...не забудь, в пять часов... – тем временем продолжал нудеть над ухом Петр, открывая перед ней дверцу «Опеля». –

Рина, ты меня слушаешь?

– Конечно, Петь. Заедешь в пять часов. Не забуду.

Петр нахмурил густые русые брови и, сложив черный зонт с костяной ручкой, сунул его Ринке в руки.

– Возьми с собой. Еще не хватало тебе промокнуть.

Надо было сказать спасибо. Надо было почувствовать благодарность. Но почему-то не получалось, и Ринке стало отчаянно стыдно. Вот что она за скотина такая бесчувственная? То есть, конечно, Петр ей нравится. Она, наверное, его любит. Он симпатичный. Не красавец, конечно – и слава Ктулху! Хватит с нее избалованных красавцев! Петр – именно такой мужчина, который ей нужен. Массивный, черты тяжеловатые, но породистые. Харизмы не хватает, но зачем ему? Еще бы улыбался почаще. Ему очень идет улыбка.

Ринка покосилась на Петра, выводящего «Опель» из узенького проезда между домами. Вот бы Петр был не таким практичным и серьезным! Цветы бы дарил иногда. Шутил. На ее анекдоты бы смеялся, а не морщился. В кафешку бы позвал, просто так посидеть и потрепаться о книгах, а то и потанцевать... Да хоть разговаривал бы с ней, а не только воспитывал!

– Петь, а давай сходим сегодня кофе попить вместе, а?

Петр снова нахмурился.

– Ты каким местом слушала, Рина? Я же сказал, мне сегодня нужно доделать отчет.

– Просто зайдем выпить кофе по дороге, это же совсем

недолго, Петь, – в голос прокрались отвратительно жалобные нотки.

– Ладно. Но только недолго!

Ринка сжала кулаки и отвернулась, сделав вид, что за окном машины что-то невесть какое интересное. Сколько раз обещала себе: не просить! Не унижаться! Надо быть взрослой и самодостаточной.

И хоть кошку завести, что ли.

Взгляд Ринки скользнул по автобусной остановке, зацепился за трехцветную кошку, сидящую на лавке, и тут в мозгу щелкнуло: Аполлония! Вот же она!

– Петь, останови! Там кошка!..

– Какая еще кошка, Рина! Что за глупости! – разумеется, Петр и не подумал затормозить.

– Соседкина, Аполлония. Бабулька старенькая, волнуется. Пожалуйста, Петь!

– Рина. Я не могу опаздывать на работу. Позвони соседке и скажи, где видела кошку. Она сама заберет.

– У меня нет ее телефона.

– Значит, кто-то другой ей скажет. Ты прекрасно понимаешь, что нельзя опаздывать на лекцию только потому, что у кого-то сбежала кошка. Твоя система приоритетов...

О боже. Боже! Только не это!

Ринка мысленно застонала и так же мысленно зажала уши руками. Зачем она дала повод, теперь Петр до самого университета не замолчит!

Она оказалась права. Все пятнадцать минут, что они ехали до Воробьевых, Петр с абсолютно серьезным видом читал ей лекцию о важности образования, пунктуальности и прочей хрени. А она смотрела на проносящиеся мимо дома, столбы, желтеющие деревья – и видела перед собой кошку. Пушистую, трехцветную, домашнюю кошку, внезапно лишившуюся дома. А может быть, и чего-то большего, чем дом. То есть, конечно, Ринка прекрасно понимала, что это глупо – проецировать на животное собственные беды, но...

Одиночество. Ненужность. Осенняя холодная хмарь. Одиночество.

Нельзя оставить кошку там. Она же домашняя, глупая зверюшка, она же не умеет жить на улице и наверняка не найдет дорогу домой. А вечером ее какой-нибудь бомж найдет и съест, она же не помоечная тощая кошка, а упитанная, домашняя.

Совсем-совсем беззащитная.

Надо вернуть ее домой. Пусть хоть у кошки все будет хорошо!

– Ровно в пять, не опаздывай.

Ринка так глубоко ушла в свои мысли, что не заметила, как «Опель» остановился напротив универса.

Вот и хорошо, занудная нотация пролетела мимо ушей. И вообще, хватит уже Петру решать за нее.

– Ага, – бросила она, подхватила сумку...

– Зонт, Рина!

– Угу, – забрала протянутый зонт и тут же его раскрыла: с хмурого неба капало.

А сделав несколько шагов в сторону универа, обернувшись, убедилась, что Петр отъехал и занят дорожным движением – и побежала обратно, к переходу. Был шанс успеть на автобус, показавшийся в конце квартала.

Слегка подмокшая, но не утратившая высокомерия кошка так и сидела на лавке, обернувшись пушистым хвостом. На Ринку она даже не глянула, а на «кис-кис» не отреагировала.

– Ах ты, глупое животное, – пробормотала под нос Ринка и протянула руку к кошачьей голове: – Киса, хорошая киса...

Хорошая киса встопорщила усы и молниеносным движением лапы оцарапала Ринке запястье. Машинально отдернувшись, она глянула на руку, поморщилась и попробовала снова:

– Аполлония, хорошая девочка, пойдем домой...

На сей раз кошка зашипела и вздыбила шерсть. Мол, не влезай, убью.

Вот дурное зверье!

Брать голыми руками нельзя, исцарапает. Как потом с Петром объясняться? Значит, надо изловить... точно! У нее же в сумке лабораторный халат!

Приговаривая всякие глупости на тему хорошей кисы, пора домой, Ринка закопалась в сумку. Только она потащила наружу халат, как кошка, собака такая, спрыгнула со скамей-

ки, задрала хвост и пошла прочь, всем видом выражая абсолютное презрение.

– Стой, киса, киса-киса! – в отчаянии позвала Ринка, пытаясь заступить кошке дорогу и накинуть на нее халат.

Но зверюга фыркнула, проскользнула между ног и отправилась дальше. И ладно бы, в сторону дома – так совсем наоборот, к гаражам, а там, в гаражах – овчарка. Без привязи.

Представив, как будет плакать бабулька с первого этажа, найдя разодранный овчаркой труп кошки, Ринка под нос обругала дуру мохнатую и устремила в погоню. Ничего, и не таких ловили!

– Кис-кис-кис!

Тварь мохнатая дернула спиной так, что любому стало бы ясно: обращать внимание на всяких надоедливых дур – ниже ее достоинства.

– Да стой же! – Ринка побежала прямо по лужам, надеясь поймать глупое животное до того, как оно нырнет в узкий, замусоренный лаз между гаражами.

Не тут-то было! Кошка тоже ускорила, перепрыгнула самую большую лужу и нырнула в лаз ровно за мгновение до того, как Ринка набросила на нее халат. Хорошо хоть не успела выпустить тряпку из рук, а то пришлось бы терять время, вытаскивая ее из лужи.

В лаз она протиснулась следом за кошкой, обругала хозяев гаража – все стены ржавые, теперь любимую рубашку хрен отстираешь! Пушистый хвост мелькал прямо перед ней, ка-

залось, протяни руку, и поймаешь!.. Только бы успеть до того, как их учует овчарка!

Похоже, до кошки дошло, что не стоит заходить на чужую территорию. Она остановилась за метр до конца лаза, обернулась и сверкнула желтыми круглыми глазами.

– Мра-ау!

Ринка, обрадовавшись, почти схватила дурную зверюгу, но та снова увернулась и припустила прочь. Ринка – следом, оставив на стене гаража клочок рукава. Зато ей почти удалось догнать кошку, она затормозил перед здоровущей грязной лужей, над которой поднимался подозрительный радужный пар, и попятилась.

– Стой, собака! – победно крикнула Ринка, кинула халат на зверюгу...

И тут мохнатая зараза с места прыгнула напрямик в столб пара, а Ринка, не удержав равновесие, не то шагнула, не то упала следом, зажмурилась на миг, и все заверте...

*Виен, Астурия. Дом на Айзеништрассе
Тори*

По старой армейской привычке герр Людвиг проснулся рано, еще до рассвета, лежал несколько минут, закинув руки за голову. Потом бесшумно поднялся с кровати, и не подумав разбудить Тори – она делала вид, что спит. Поло-

жил на столик несколько монет, так же бесшумно оделся и выскользнул прочь из дома.

Когда тихо захлопнулась входная дверь, Тори приподняла голову и прислушалась. Убедившись, что Людвиг ушел, соскочила с кровати и босиком подбежала к окну. На всякий случай посмотрела на улицу, проводила взглядом машину – и, встав на цыпочки, сняла спрятавшуюся в драпировках прозрачную, почти невидимую коробочку. От тепла ее рук камера, – а это была именно она, новейшая механическая камера с магическим управлением, – потемнела, проявились детали.

Тори нетерпеливо повернула крохотную рукоять, взглядела в окошко... и швырнула бесполезную вещь на кровать. Снова не сработало! Пока в комнате была только она, и когда не было никого – камера исправно все записывала. Но стоило зайти Людвигу, и все. Чернота и мрак. И наверняка опять никто не поймет, почему нет изображения. В прошлый раз было то же самое, и в позапрошлый... Пожалуй, если бы не странности с камерой, Тори бы решила, что у герра Людвиг нет никакой страшной тайны. Подумаешь, любит привязывать любовницу к кровати или связывать ей руки, и не любит, чтобы его видели! И не такие извращенцы встречаются, вот один министр вообще женские подвязки надевает, а в постели такое вытворяет, благовоспитанному Людвигу и не снилось!

Усмехнувшись, Тори пересчитала золотые – четыре,

очень неплохо, — накинула пеньюар и присела к секретеру, писать очередной отчет о встрече с высокопоставленным любовником.

Виен, Астурия. Айзенштрассе

Людвиг

Дождь немного освежил застоявшийся городской воздух, смыл с желтеющих листьев пыль и остался лужами на булыжной мостовой Айзенштрассе. Стоящий у подъезда мобиль не промок, несмотря на отсутствие крыши, но на панели мерцал красный огонек: кристалл пора подзаряжать.

Людвиг тихонько выругался, помянув Барготову мать и собственных предков. И у обычных людей, и у нормальных магов такие кристаллы служат по году и больше, а ему приходится отправлять мобиль в мастерскую каждые две недели. И такая же ерунда с любой техникой! Родовое проклятие вытягивает энергию из всего, до чего дотянется.

Кристалла хватило как раз до мастерской, расположенной на самом краю портового района. Конечно, Людвиг мог бы пользоваться услугами мастерской для аристократов — два квартала от дворца, позолота, фонтанчик и цены до небес. Не то чтобы Людвиг не мог себе позволить таких трат, но бросать деньги на ветер считал делом нуворишей и дураков. Тем более что матушке и сестрам постоянно требовались новые платья, украшения, экипажи и прочая, прочая, а думать

о таких недостойных материях, как «откуда берутся деньги» они не желали.

– Через час будет готово, ваша светлость, – с поклоном пообещал мастер, изо всех сил стараясь не смотреть Людвигу в глаза. – Вызвать для вашей светлости извозчика? Или, быть может, вы желаете взять один из наших мобилей?

– Не стоит. Просто доставьте мобиль к моему дому, я прогуляюсь, – отмахнулся от него Людвиг.

Извозчиков и чужие мобили он не любил. Впрочем, когда у него начинала болеть голова, он не любил ничего и никого. Особенно свою дражайшую родню, включая его величество. Это же надо, приказать ему жениться!

Людвиг вдохнул холодный, пахнувший мокрыми листьями воздух и от всего сердца пожелал августейшему кузену расстройства желудка и кашля, а матушке долгих лет жизни и безденежных идиотов зятьев. Эти двое недолюбливали друг друга, но как-то смогли договориться. Даже странно. Интересно, что матушка пообещала его величеству Гельмуту и чем это грозит Людвигу? Вряд ли что-то связанное с его службой в Оранжерее. Официально контора называлась Кроненшутц: предок Гельмута, назвавший контрразведку Безопасностью Короны, обожал пафос и цветы – каждому отделу он дал эмблему-цветок. За что добрые астурийцы прозвали контору Оранжереей.

Ладно, если матушкино обещание не связано со службой, то может быть очередные политические маневры?.. Нет, на-

верняка нет. И матушка, и Гельмут отлично знают – Людвиг ненавидит политику, и ненависть взаимна. Пожалуй, внушаемый его фамильным даром страх – самая лучшая часть дядиного наследства.

Погрузившись в размышления, Людвиг не смотрел, куда идет. Впрочем, ему было и необязательно. Нет в Астурии таких дураков, чтобы нарушать покой человека с бронзовой фибулой-маргариткой, знаком некроманта. Знаком изгоя, презируемого обществом, но необходимого, как необходимы чистильщики улиц и могильщики. Конечно, никто не посмеет задрать нос перед герцогом Бастельеро, как перед обычным полицейским некромантом. Но страха и отвращения вполне достаточно.

Когда в воздухе отчетливо пахнуло рыбой, Людвиг оглянулся. Демоны занесли его в глубину припортового района, куда ни один добропорядочный гражданин добровольно не сунется. Что ж, тем лучше. Здесь наверняка найдется кто-то достаточно близорукий, чтобы не опознать некроманта. Однако редкие прохожие переходили на другую сторону улицы и отводили глаза. А жаль. Разбить чью-нибудь наглую физиономию – отличный способ снять напряжение. Раз уж физиономия августейшего кузена, чтоб ему икалось, неприкосновенна.

Людвиг хотел было в сердцах сплюнуть (чтобы ненароком не проклясть кузена, были уже случаи), но тут в нескольких шагах перед ним воздух сгустился, образовав неправильный

эллипс, и покрылся рябью. Надо же, стихийный портал! Не частое явление, и в основном безобидное и бессмысленное. Время от времени такие порталы возникали над узлами силовых линий или в местах сильных магических выплесков, несколько секунд или даже минут показывали кусочки чужого мира и бесследно исчезали. Так как стихийные порталы не пропускали ни материю, ни звук, их называли «пустышками». Несложно догадаться, что Людвигу «пустышки» попадались намного, намного чаще, чем кому бы то ни было. Иногда через них можно было увидеть что-то забавное, как в этот раз.

Людвиг остановился, с интересом наблюдая, как по ту сторону дрожащего воздуха шумит незнакомый город, больше похожий на мираж. Мокрая серая улица, одноэтажные домики без окон, замызганный светлый зверь, а следом бежит какое-то чучело, еще и вопит на незнакомом языке...

– Kysa! Kysa! Стоять, собака!

Хотя нет, язык вполне понятный... Собака? Нет, этот зверь на собаку совершенно не походил. Скорее на хорька.

Неважно. Все равно портал уже начал гаснуть. И вдруг животное с душераздирающим воплем выпрыгнуло из него и понеслось в сторону грязной подворотни. Людвиг от неожиданности замер. Не может быть, ведь «пустышки» не годятся для путешествий между мирами! А тут – живой зверь!

Но прежде чем Людвиг бросил в удирающего зверя обездвиживающим заклинанием, чтобы на досуге изучить оби-

тателя чужого мира, из портала вывалилось то самое чучело. Споткнулось, упало коленом в лужу, но тут же поднялось и, явно не соображая, где находится, крикнуло:

– Где она? – на том же, интуитивно понятном языке.

А чучело-то у нас – девушка, хмыкнул про себя Людвиг. Растрепанные пепельные волосы, то ли пыльные, то ли грязные, расширенные серо-зеленые глаза, аккуратный нос, чуть припухшие губы со следами розовой помады, на скуле размазана жирная грязь. И одета во что-то странное – мужские штаны, порванная на рукаве рубашка в клетку и сверху черный жилет, все изрядно испачкано и явно с чужого плеча.

– Побежала в подворотню, – ответил Людвиг на родном астурийском и пожалел, что такое примечательное явление случилось на улице, а не в его лаборатории. Настоящий стихийный портал, редчайшая редкость, а у него с собой – ничего! Даже банального измерителя нет!

– Ага, спасибо! – девица внезапно ответила по-астурийски. С ужасным произношением, но вполне понятно.

И рванула следом за зверем.

Интересно, это шок от перемещения или она просто дура, не понимает, что в припортовых закоулках ее убьют? Скорее первое. Или же место, где она жила, выглядит похоже. А вот с языком все намного любопытнее! Неужели портал может дать знание местного языка? Об этом Людвиг никогда не слышал. Надо будет покопаться в библиотеке Академии.

Людвиг кинул вслед обоим иномирянам «метки», чтобы

не потерялись, и пошел за ними. Не спеша. Забавно посмотреть, как чучело будет себя вести при встрече с аборигенами. Может быть, даже стоит взять девицу живьем, так всяко удобнее транспортировать в лабораторию, чем изувеченный труп. Все же иномирянка – редкая добыча. Как удачно, что поблизости нет никого из Академии с их загребущими лапами!

Впрочем, все равно бы он свою добычу никому не отдал. Зря, что ли, он служит в Оранжеее!

Не успел Людвиг свернуть вслед за девицей в подворотню, как послышался новый вопль. Перепуганный. Долгий. Зато звук неожиданно чистый и объемный, такому и оперная дива могла бы позавидовать. Весьма, весьма впечатляюще.

– Надо же, – пожал плечами Людвиг и остановился в подворотне, в тени.

Девушка все еще орала. Отличное дыхание, не всякая примма так долго выдержит высокую ноту. Хотя смысла в ее вопле Людвиг не видел. Те двое бродяг и десяток крыс, которые вызвали вокальные упражнения, все равно не оценят. Им что примадонна, что посудомойка, без разницы. Была бы женского пола. Вон, уже сально ухмыляются, поднимаются...

У девушки, наконец, кончилось дыхание. Замолкнув, она совершенно ровно спросила:

– А почему они такие здоровые? – на том же ужасном астурийском. – И цвет странный. Никогда не видела ярко-рыжих крыс.

Бродяги переглянулись и гнусно осклабились.

– Ты не тех боишься, красавица, – просипел тот, что выше и с сохранившимися зубами. Черными. Редкими.

Он потянулся к девице, так и стоящей столбом. Точно, шок у нее. Жаль, она спиной, зрачков не видно. Но наверняка расширенные.

Людвиг уже собрался вмешаться – нечего всякому отрепью портить его лабораторный материал! – как девица ударила бродягу по руке и отскочила вбок, натопырившись, словно помоечный енот над куском колбасы. Теперь она была к Людвигу в профиль, намного удобнее для наблюдения.

– Руки не тяни, а то ноги протянешь! Лучше поймайте мне *koshku*, так и быть, дам на выпивку.

Кажется, в первый раз она назвала зверя собакой. А теперь – *koshku*. Не забыть его поймать.

– Прыткая, – проскрипел второй, обходя девицу с фланга. – Горячая небось. Давно у меня не было такой шустрой бабенки. Держи ее, Жердина!

До девицы начало доходить, что здесь что-то не так. Она перевела взгляд на ржавый нож, висящий у одного из бродяг на поясе, затем на лица бродяг, на дома, на небо... Обычное утреннее небо, наполовину затянутое облаками.

– С ума сойти! – благоговейно прошептала она. – Два солнца?

– Придурочная, что ли? Это погодный шар. Давай снимай одежду!

– Что? – девушка растерянно захлопала глазами. – Это ограбление?

– Это изнасилование! – заржали бродяги и с двух сторон потянулись к девице.

Она снова завизжала – соль третьей октавы, неплохой диапазончик! – и, выхватив из уродливой тряпичной сумки что-то черное с гнутой костяной ручкой, принялась отбиваться. Мгновение Людвиг пытался понять, что это такое, может быть, иномирское оружие? Но через пару секунд засмеялся про себя: это ж зонт, просто непривычной конструкции! Складной! Хорошо бы она его не сломала, интересно будет изучить. Девица тем временем отбивалась зонтом и лягалась. Особого вреда она бродягам не причиняла, да и те не торопились заваливать девицу. Развлекались с легкой добычей.

Надо отдать ей должное, отбивалась она бойко. Людвиг даже залюбовался. Интересно, меффрау Амалия Вебер в такой ситуации боролась бы за свою честь или грохнулась бы сразу в обморок? И тут же сам себе ответил, что меффрау Амалия Вебер в такую ситуацию ни за что бы не попала. Богородные девицы не шляются по сомнительным подворотням в поисках диковинных зверей. Он на мгновение представил на месте иномирянки Амалию, и его губы сами собой скривились в усмешке.

А ведь король не назвал имени невесты, это матушка решила во что бы то ни стало женить его на дочери подруги.

Так что место для маневра еще очень даже остается!

Людвиг еще раз, уже с другим прицелом, осмотрел иномирянку. Здорова, сможет выносить и родить ему наследника, правда не девственница, но это Людвиг как-нибудь переживет. Зато у девицы нет родни, за ней точно не стоят добрые соседи вроде кавалера Д Амарьяка, к тому же будет полностью зависеть от него. Выглядит невзрачно, что определенно плюс: красоток, считающих себя пупами мироздания в силу внешних данных, он накушался по самое не могу. На эту же только конюх позарится, а конюхов у Людвига нет и не будет. Опять же, она будет держать язык за зубами, даже если увидит что-то лишнее. Разболтать-то некому. Но самый большой плюс – это выражение августейших физиономий, когда он представит жену матушке и королю!

Определенно, девица свалилась ему в руки по воле Баргота! И перечить ему Людвиг не станет.

– Прекратить балаган, – велел Людвиг, выходя из тени.

Бродяги, а вместе с ними и девица, замерли. Сначала от неожиданности, а потом – разглядев фибулу-маргаритку – от страха.

– Мы это... – рожи бродяг перекосились.

– Мефрау пойдет со мной, а вы... – Людвиг выразительно поднял бровь. – Брысь.

Бродяги, мелко кивая, попятились и, стоило Людвигу моргнуть, развернулись и с громким топотом помчались прочь. Из-под их ног выскочил иномирский зверь, зашипел

и запрыгнул на обломки ящика.

— Kysa, — Людвиг протянул руку к зверьку, и тот без раздумий запрыгнул, позволил спрятать себя под полу плаща и там заурчал, как моторчик. Людвиг обернулся к незнакомке, закрывающейся от него зонтом, как шпагой. Ее губы беззвучно шевелились. — А вы, мефрау, поправьте одежду и следуйте за мной.

*Виен, Астурия. Где-то в закоулках
Рина*

— Ах ты, собака... — прошептала Ринка, глядя, как мохнатая тварь устраивается под плащом у незнакомца. — Вот проснусь!..

Ей очень хотелось верить, что все окружающее — сон. И бело-серо-рыжая кошка, внезапно поменявшая расцветку и породу на бирманскую, и незнакомый обшарпанный город, и вонючие агрессивные бомжи, разговаривающие по-немецки, и этот странный мужчина в черном... Почему-то было ужасно досадно, что мохнатая собака вот так легко пошла к нему на руки. От нее удирала, а к незнакомцу — пошла. А ведь он, между прочим, куда опаснее бомжей: выше, явно здоровее, шире в плечах и взгляд убийцы. Не просто так же бомжи от него рванули, теряя тапки.

О, великий Ктулху, давай я уже проснусь, а?..

Ктулху не откликнулся. Ринка не проснулась.

Наверное, потому что не спала, как ни ужасно было в этом себе признаваться. И на глюки это было не похоже. Совершенно. Слишком все было четко, ярко и достоверно. И к тому же, больно. Чертовы бомжи ее несколько раз задели, и хорошо, если она не заразится от них какой-нибудь местной гадостью! А этот, чтоб ему икалось, стоял и смотрел! Мерзавец!

– А вы, меффрау, поправьте одежду и следуйте за мной, – велел незнакомец с глазами убийцы и едва заметно усмехнулся, мазнув взглядом по выставленному вперед зонту.

Скотина. Самоуверенная аристократическая скотина!

– Кто вы такой и какого черта вам от меня нужно? – опустив зонт и задрав подбородок, потребовала она ответа по-немецки, благо язык крайне подходящий для высокомерного хамства, и мысленно поблагодарила бабулю: не зря с четырех лет дрючила внучку языком предков. Вот и пригодилось.

Где-то в животе ворочался холодный комок страха, но Ринка изо всех сил его игнорировала и подогревала в себе злость: нельзя показать аристократической скотине страх, шансов на спасение вообще не останется! Их и так кот наплакал... нет, не думать об этом! Злиться и держать спину!

– Ах, нас же некому представить, меффрау, какая досада, – аристократ насмешливо скривил узкие губы. – Герцог Людвиг Пауль Бастельеро, некромант, полковник безопасности.

Ринка чуть не заржала. Истерически. Но невероятным усилием воли сдержалась. Она что, попала в любовный ро-

ман? Герцог, мать его Ктулху, некромант! Полковник! С ума сойти, не встать! Интересно, антагонист или герой-любовник? Если верить внешности – антагонист. Чернявый, нос орлиный, глаза антрацитовые и убийственно холодные, держится а-ля Ужас Подземелий Северус Снейп, и вообще ощущение от него, как от айсберга. Ледяное.

Не дрожать, кому сказала! Спину прямо, челюсть вперед, стали в голос.

– Агриппина Ланская, – получилось не совсем как у бабули в гневе, но тоже ничего. Сойдет. – Вы не ответили, что вам от меня нужно, герр Бастельеро.

– Для начала, мефрау Ла-аска, спасти вас из беды, – в глазах, опущенных длинными и густыми, на зависть фирме «Л'Ореаль Париж», ресницами, мерцала откровенная насмешка. – Идемте, мефрау. Или вам так понравилось местное общество, что вы желаете познакомиться с ним поближе? Это несложно устроить.

– Пожалуй, воздержусь, – так же холодно и насмешливо ответила Ринка, едва подавив дрожь от вставшей перед глазами картинки: надвигающийся на нее щербатый бомж со ржавым ножом.

– Ваше благоразумие не может не радовать, мефрау.

Герцог, некромант и полковник галантно предложил ей локоть. Правда, эта галантность больше походила на издевку пополам с научным интересом. Особенный интерес вызвали ее руки. Что ж, пусть рассматривает. Маникюр она делала

всего лишь позавчера, так что стыдиться нечего.

Да и страх немножко отступил. Не зря бабуля говорила: если боишься, держись победительницей, и сама себе пове-ришь.

Она положила подрагивающую руку на сгиб герцогского локтя, словно делала ему великое одолжение.

Герцог хмыкнул и двинулся прочь из подворотни.

– У вас на родине все так одеваются? – спросил он через пару шагов.

– Только те, кто может себе это позволить, – она скопировала его интонацию. – Значит вы – маг? Наверное, очень могущественный?

Мгновение ее спутник молчал, а потом рассмеялся. Искренне и весело. Антагонистам так смеяться не положено.

– Могущественнее некуда, – ответил он, отсмеявшись. – Похоже, у вас крайне длинный и острый язычок, меффрау Ласка.

В его голосе послышалась явственная угроза, в животе снова зашевелился комок страха.

– Ну что вы, ваша светлость, я – сама скромность, – Ринка потупила взор.

Прямо перед ее глазами оказались замызганные джинсы и перепачканные грязью и ржавчиной кроссовки. Да уж, есть над чем поржать их светлости.

– Вот и отлично, – ответил некромант, выводя ее из подворотни на улицу. – Скромность и послушание вам весьма

пригодятся...

– Зачем... – начала было Ринка, но ее прервали разногласные вопли и топот.

Мимо них пронесся насмерть перепуганный и окровавленный оборванец, а из-за угла, вслед за ним, выскочили преследователи. Целая толпа размахивающих палками, камнями и ножами горожан такой же пролетарской наружности.

– Держи вора! Повесить гада! Руки оторвать!.. – орали и мужчины, и женщины.

Ринка замерла на полуслове и невольно прижалась к некроманту. Он тоже остановился, пропуская толпу мимо, а потом...

– Затем, что вы станете моей женой, меффрау Ла-аска, – на сей раз в его голосе не было ни капли насмешки. – Либо мы расстанемся прямо здесь и сейчас. Выбор за вами.

– Я не... – Ринка подняла взгляд и вздрогнула: показалось, из глаз некроманта на нее смотрит бездонное и бездушное Нечто.

– Четче выражайте ваши намерения, меффрау.

Кинув взгляд вслед толпе и мысленно передернувшись, Ринка снова расправила плечи. Ее не так-то просто напугать!

– Я хочу понимать, зачем вам это нужно и чем мне это грозит.

– Зачем – не ваше дело, меффрау. А чем грозит... – аристократическая сволочь глянула на Ринку искоса, холодно усмехнулась и остановилась посреди грязной улицы. –

Неплохими шансами выжить в новом и опасном для вас мире. Итак, меффрау, спрашиваю в последний раз: вы идете со мной в храм или остаетесь здесь? И чтобы вам легче было принять решение, небольшая справка. Отправить вас в родной мир маги нашего мира не в силах. Академики будут счастливы заполучить вас для исследований, могут вам наобещать Баргот знает чего, но будучи их подопытным кроликом, вы не проживете дольше полугода. И то, если очень повезет. Так вы согласны выйти за меня замуж, меффрау Ласка?

Ринке очень, очень хотелось сказать «нет». До скрежета зубовного. Петюня, и тот звал ее замуж куда романтичнее. Хотя бы букет роз подарил. А этот гад высокородный... чтоб ему прыщами покрыться! Мог притвориться, что она ему симпатична!

Хотя вряд ли она бы поверила, если бы он вздумал с ходу признаваться ей в неземной любви. Вот тогда бы она точно предпочла рискнуть и самостоятельно выбираться из бандитских кварталов. Потому что, какой бы ни был герцог, хоть страшнее атомной войны, невест для него всегда найдется легион, и стопроцентно получше грязной нищей иномирянки. Зачем все же ему сдалась именно она? Вопрос почти такой же интересный, как способ выжить в дивном новом мире без посторонней помощи.

И ответ на него – никак. Это только в романах о Мери свет Сью на попаданку тут же сваливается магическая сила,

неземная красота и прочие плюшки. А у нее, кроме знания местного языка (что уже сумасшедшее везение!) в заглашнике лишь пара учебников, планшет (без зарядного устройства) и зонтик. Потрясающее приданое.

– Если вы обещаете мне безопасность, то я согласна, – сказала она почти твердо.

Герцог, некромант и полковник скептически хмыкнул, еще раз оглядел ее с головы до ног (щеки залил жар стыда: видок у нее тот еще) и велел:

– Идемте, мефрау Лааска. Не стоит тянуть, – и уверенным широким шагом направился к устью улицы. Если верить местному солнцу, на северо-восток.

Рина шла рядом размашисто шагающим мужчиной и пыталась мыслить рационально. Ей двадцать лет, она самостоятельная личность, у нее почти высшее образование. Куча навыков и умений, крепкое здоровье, светлый ум... И что с этим всем делать, когда она даже не знает, где оказалась? С виду город похож на Европу века так мохнатого. Дома в два-три этажа, улочки немощенные, узкие. Вонь. Грязь. Герцог (если не врет) одет в кожаный плащ с капюшоном, из-под которого видны облегающие брюки, заправленные в высокие сапоги с квадратными носами. Из украшений только дурацкая застёжка на плаще, бронзовая маргаритка. С хмурыми резкими чертами сочетается, как седло с коровой. Может быть, еще есть кольца, под перчатками не понятно.

Кстати, тут еще и холодно. В узкой улочке та еще аэроди-

намическая труба, задувает аж до свиста. А герцог, мать его Ктулху, даже не подумал предложить ей плащ. Галантный век, вашу ж за ногу!

Они шли и шли, не сбавляя темпа, и вскоре вышли на небольшую, мощеную истертой брусчаткой площадь. По сторонам площади росли чахлые желтеющие деревца – формой и корой похожие на вязы, только с округлыми листьями и плодами вроде мелких каштанов. А в самой середине был храм. Он на удивление походил на европейские костелы, только на шпиле был не крест, а серебряная звезда в круге.

– Ваша светлость, – впервые за всю дорогу Ринка осмелилась с ним заговорить. – А мне не надо ли...

Некромант удивленно покосился на нее, словно впервые видел и не понимал, что это странное создание делает рядом с ним. Да еще и разговаривает!

Ринка тут же разозлилась – и сама испугалась. Что с ней такое? Никогда она не хамила старшим, да вообще никогда не хамила! А тут... наверное, это от шока.

– Простите, я... ну... – она совсем смутилась, но заставила себя продолжать: не замолкать же на половине фразы, тогда он сочтет ее совсем идиоткой. – Наверное, я неподобающе одета. Все же храм.

– Барготова мать, – тоном усталого воспитателя детсада отозвался некромант и остановился. Оглядел Ринку, скривился. Затем осмотрел здания, окружающие площадь. Скривился еще сильнее. – Ваше платье... э... ничуть не хуже того,

что мы сможем купить здесь. Гостей не будет, так что одежда не имеет значения.

Он снова потянул ее к храму, и Ринка, вздохнув, пошла с ним. Что ж, по крайней мере, здесь нет заморочек с юбками.

– Не вздыхайте так тяжело, меффрау. Я не собираюсь держать вас в черном теле и морить голодом. Я все же герцог, а не трактирщик. Будут у вас платья. И содержание. И вообще, как только родите мне наследника, ваши обязательства будут исполнены, и можете катиться на все четыре стороны.

Ринка от неожиданности споткнулась.

– В смысле, катиться?..

– В смысле, я не жажду быть женатым всю жизнь. Мне нужен наследник... и кое-какие светские формальности. Через три года получите отступного согласно брачному контракту, и можете делать, что пожелаете.

А вот это уже было обидно. Почти до слез. Как обещание попользоваться и выбросить. Впрочем, чего еще можно было ожидать от сволочи аристократической?!

– Пока вы будете моей супругой, от вас требуется незаметность, послушание и благоразумие. И не волнуйтесь, я не собираюсь использовать вас в качестве супруги более чем необходимо.

Ринка вспыхнула и сжала зубы. Можно подумать, он сам топ-модель, и она млеет от желания улечься с ним в постель! Самоуверенный напыщенный болван!

– Вы сказали, брачный контракт, – она постаралась гово-

ритель как можно холоднее. Не хватало еще, чтобы он понял, что сумел ее задеть.

– Именно. Вы же умеете читать, меффрау Лааска?

– Разумеется. Если бы не ваш портал, через два года я бы получила диплом магистра.

– В вас нет магического дара.

– Магистра биологии. Так что не волнуйтесь, читать я умею.

– Вот и прекрасно. После бракосочетания на людях вы будете называть меня по имени. Людвиг. И никаких сокращений.

– Как скажете, ваша светлость. Меня можно называть Рина.

– Рина, – он кивнул, подходя к двустворчатым низким дверям храма. – Во время обряда на все вопросы отвечайте да, глаз от пола не поднимайте и со священником не разговаривайте. Это понятно?

– Да.

Что тут непонятного. Три «К», как и положено порядочным немцам. И три года, за которые надо освоиться, обзавестись связями, получить профессию и найти работу, и желательно присмотреть недвижимость. По возможности не комнатушку в коммуналке, а что-то отдельное. И свое! Чтобы не получилось, как с оставшейся от бабушки квартирой в центре Москвы: она должна была достаться маме и Ринке пополам, но почему-то завещание не нашлось, квартира доста-

лась маме, а мама снова вышла замуж – и все. Ринке от московской недвижимости остался шиш.

– Ваша светлость, а на какую сумму я могу рассчитывать через три года?

Некромант одарил ее презрительным взглядом, и Ринка втянула голову в плечи. Вот кто ее за язык тянул? Теперь он наверняка думает, что она меркантильна до мозга костей.

– Я просто не хочу остаться на улице, – выдавила она, сгорая от стыда и проклиная чертов шок и адреналин. И где ее здравомыслие и уравновешенность? И какого черта ее потряхивает рядом с герцогом, ведь нормальный человек, не маньяк, вроде даже не самодур. Почему же так страшно, что ноги еле держат?

– Мефрау, вы получите достаточную сумму на обзаведение, – процедил герцог сквозь зубы и, без малейшего уважения распахнув двери храма, первым вошел внутрь.

Сволочь высокомерная! Люциус, твою мать, Малфой! На уроках этикета тебе не объясняли, что даму нужно пропускать вперед, нет?

По счастью, на этот раз Ринке удалось удержать язык за зубами. Хотя каких усилий ей это стоило, один Ктулху знает.

Первым, что заметила Ринка, был до головокружения манящий запах травяного дыма. Совсем не похоже на церковный ладан – сладкий и тяжелый. Здесь пахло августовским солнечным лугом, легко и терпко. На губах Ринки невольно появилась улыбка, а все проблемы и беды словно отдали-

лись.

К ним тут же поспешил толстячок в белом балахоне. Судя по постной роже, явлению герцога с красотой несказанной на буксире его не обрадовало.

– Чем могу служить вашей светлости? – пробормотал он тоном, больше подходящем для «шли бы вы своей дорогой».

– Письменные принадлежности, святой брат, и нотариуса, – герцог бросил в деревянную кружку, на дне которой сиротливо болталось с десяток медяков, горсть золотых. – Мы желаем заключить брак. Немедленно.

– Конечно, ваша светлость... э... если вам угодно, я имею право заверять документы...

Вместо ответа некромант лишь кивнул и все тем же размашистым шагом прошел к чему-то похожему на конторку с наваленными книгами и толстыми тетрадами.

Пока некромант писал брачный контракт, а служитель заполнял графы в толстой потрепанной книге, внося туда имена брачующихся, Рина глазела по сторонам. Храм был украшен очень скромно. Простые деревянные скамьи, серый истертый пол, окна с цветными витражами – узкие, пропускающие очень мало света – и несколько тройных канделябров со свечами. У дальней стены, в нише, статуя бородатого мужчины в тоге, перед статуей – свечи, горшки, вазы с букетами из листьев, горка бумажных трубочек-записок. Обрамляет нишу вырезанный из дерева венок. Не цветы, листья. Сначала Ринке показалось, что дикий виноград, но присмотревшись,

она опознала коноплю.

А тут весело, однако. И крайне интересно, какие именно травы здесь воскуряют. Неужто те самые?

Рина даже пожалела, что не присутствовала ни на одной студенческой вечеринке, где, по слухам, будущие биологи на практике изучали свойства некоторых растений. Тогда бы она хоть могла опознать травку по запаху.

– Меффрау Рина, не спите, – окликнул ее некромант. Из-за пазухи у него выглянула злополучная кошка. Вот засранка! Сидит так тихо, будто всю жизнь только на груди у некроманта и жила. – Вам следует прочитать контракт и подписать. Вот здесь.

В полумраке храма Ринке показалось, что его глаза сверкнули красным.

Нет-нет, показалось! Наверняка показалось! И вообще, чем думать о всякой мистике, лучше прочитать контракт. Мало ли, что он там понапишет.

Ринка старательно разбирала сложную рукописную вязь, отмечая, что хоть почерк у сволочи аристократической и красивый, прочитать его почти невозможно. Написание букв здорово отличается от привычного, а может быть он специально так пишет, чтобы враги не догадались. Ну, как врачи. Единственное, что она разобрала, так это сумму в тридцать тысяч чего-то там. И чуть не хихикнула от понимания: ей это ровным счетом ничего не говорит! Может, у них тут валюта вроде юаня, и окажется, что тридцать тысяч непойми чего

стоит обед в средней пакостности ресторане.

– Вас что-то смущает, меффрау Рина? – голосом некроманта можно было стекло резать. И чаек на лету морозить. Если в этом мире есть чайки.

– Нет, – через силу ответила Ринка и взяла у святого брата перо.

«Твою за ногу, что я делаю?» – билось в голове, но рука словно сама собой выписывала автограф.

Дождавшись, пока она закончит, некромант молча взял ее за руку и подвел к статуе. Служитель начал что-то петь, а на Рину упало оцепенение. Она словно со стороны видела старательно выводящего мелодию на трех нотах святого брата, себя и своего мрачного супруга... свою руку в его руке – без перчатки. Впервые без перчатки.

Его рука была покрыта татуировкой, напоминающей чешуйки.

Или не татуировкой? Или это его кожа?

Перехватив ее взгляд, некромант дернул уголком губ и сильнее сжал Ринкину ладонь.

Не татуировка, поняла она. Чешуя. Твердая, холодная чешуя. Боже, во что я влипла?!

*Виен, Астурия. Храм в припортовом районе
Людвиг*

– Перед Единым богом объявляю вас мужем и женой! Мо-

жете обмениваться браслетами и поцеловать супругу.

Людвиг скрипнул зубами. Можно подумать, он постоянно таскает с собой свадебные браслеты! Особенно те, что достались ему в наследство от предков – массивные, вычурные, инкрустированные черными сапфирами и хризолитами.

– В церковной лавке наверняка найдется что-то подходящее, – процедил он сквозь зубы.

– Да, ваша светлость, но... подойдут ли они столь высокой особе?

– Несите, святой брат.

В нищем храме не было даже послушника, пришлось служителю самому ковылять к шкафчику стены, отпирать его, доставать простые медные браслеты со знаком Единого и с поклоном вручать их Людвигу.

Подняв руку своей очередной жены, Людвиг защелкнул на ее тонком запястье невзрачный ободок, второй отдал ей и дождался, пока она неловко наденет брачный браслет на него. Мимоходом отметил, что опять не сумел удержать эмоциональное равновесие, а заодно и перепугал супругу. Затем он поцеловал шарахнувшуюся от него девушку в щеку.

Что ж, хоть она и выглядит, как чучело, но пахнет весьма приятно. Чем-то нежным, легким и весенним. И руки у нее хороши. Изящная ладонь, тонкие длинные пальцы, аккуратные ногти. Никаких мозолей и прочей дряни, свойственной работающим простолюдинкам.

Тут же мелькнула мысль, что короткие ногти – гарантия

целостности его спины. Хотя, что это он? Все равно он не позволит ей распускать руки. И смотреть на него – тоже. Ему нужен здоровый наследник, а значит, стоит побережь душевное равновесие будущей матери.

– Герцогиня Бастельеро, поздравляю вас с вступлением в законный брак, будьте супругу слугой, любовницей, матерью, сестрой и...

– Достаточно, – перебил служителя Людвиг.

Он сгреб бумаги, подтверждающие его семейное положение, подхватил растерянную и слегка перепуганную жену под руку и потащил ее к выходу.

Выйдя из Церкви Единого, Людвиг глянул на карманный хронометр. С его визита в мастерскую прошло чуть более часа, а значит, мобиль все еще там.

– Сейчас заберем из ремонта мой мобиль, оденем тебя подобающе новому статусу и навестим кузена. После обряда положено представить жену родне. Кстати... – Он вытащил из-за пазухи пригревшегося там зверька. – Как, ты сказала, называется это животное?

Супруга не ответила.

Тогда Людвиг, наконец, обернулся к ней.

Серо-зеленые глаза свежеиспеченной супруги глядели на него, как на вылезшего из свадебного пирога Баргота: со страхом и неверием.

– Ваш мобиль? – переспросила она, отмерев.

– Ты же не думаешь, что я хожу пешком. Так что за зверь?

– Кошка. – Новая герцогиня сглотнула и облизала пересохшие губы. – Но это не та кошка! Та была трехцветная и пушистая, а эта – бирманская! Это из-за нее...

Голос супруги все повышался и повышался. Еще немного, и начнется истерика.

Поморщившись, Людвиг ее перебил:

– Кош-ка? Это называется «кошка»?

– Собака она! Страшная! – чуть спокойнее ответила девица.

– Так кошка или собака? – Людвиг скептически поднял бровь, с интересом разглядывая супругу. Такая гамма эмоций! А главное, голос. Что-то в нем было такое, что Людвиг даже готов был выслушать, что она скажет.

– Кошка! Но звать ее Собака! – почти успокоившись, сообщила супруга. В ее голосе послышались ехидные нотки. – Только собака страшная могла затянуть меня в чужой мир. Вот пусть теперь и зовется Собака.

– Глупости, – погладив довольное животное, он сунул его обратно за пазуху и покачал головой. – Никто, кроме драконов, не может перемещаться из мира в мир.

– Драконы? – в глазах супруги зажглось детское восторженное любопытство. – Здесь водятся драконы? А...

– Нет. Здесь не водятся, – оборвал ее Людвиг, но тут же, сам не понимая причин, продолжил уже мягче: – Последний драконий всадник умер триста лет назад, и с тех пор больше

никто не сумел приручить дракона. То ли знания утрачены, то ли дар угас. Я не слишком интересуюсь этой темой, есть гораздо более интересные проблемы. У меня в библиотеке есть кое-что о драконах, дам тебе почитать.

– Правда? У тебя большая библиотека?

– Правда. Большая, – Людвиг нахмурился. Какого Баргота он рассказывает сказки этой девице? Он вовсе не собирается ее очаровывать. – Я дам тебе книгу о правилах поведения супруги аристократа. И первое, что там написано: скромность и послушание.

Девушка открыла было рот, но, встретившись с ним взглядом, закрыла. И словно погасла.

Людвиг отвернулся. И напомнил себе, что ему нет никакого дела до эмоций фрау Бастельеро. Это всего лишь очередная супруга, от которой беспокойства и проблем по определению гораздо больше, чем пользы. И максимум через три года они расстанутся ко всеобщему удовольствию. А пока стоит свести общение к минимуму, ему и без этой девчонки есть, чем заняться.

Весь оставшийся путь до мастерской, расположенной всего в квартале от храма, они прошли молча.

Глава 3, о пряничных домиках и голубых феях

Виен, Астурия

Рина

Стоило выйти за пределы припортового квартала, как город разительно изменился. Словно Рина шагнула из дикого средневековья в девятнадцатый век, а то и начало двадцатого. Под ногами образовалась вполне пристойная брусчатка, вдоль домов – узкие тротуары и столбы с фонарями. Правда, снизу не было видно, на чем они работают. Вряд ли на электричестве, никаких проводов вдоль улиц не было. Зато сама улица расширилась, стекла в окнах стали чище, а сами окна больше, на подоконниках запестрели цветы: что-то похожее на герань и бархатцы. Прямо цивилизованная мирная Европа!

Ринка сразу поняла, куда они идут. Начищенная медная вывеска мастерской сияла и сверкала, а силуэт автомобиля еще и переливался алым и золотым.

Правда, самих автомобилей на улице заметно не было, а судя по редким кучкам навоза, конные повозки даже не собирались выходить из употребления. Словно в подтверждение ее мыслей, из-за угла вывернула нарядная коляска, за-

пряженная пегой лошастью.

Хозяин мастерской, выбежавший навстречу, сделал вид, что совершенно не удивлен наличием рядом с дорогим клиентом оборванки.

– Мобиль вашей светлости готов. Подавать?

Герцог, некромант и полковник едва заметно кивнул, а Ринка задумалась: не пора ли привыкать называть его Людвигом? Все же супруг.

Ой-ой-ой.

Супруг.

Она украдкой покосилась на дешевый медный браслет, охватывающий левое запястье. Почему-то здесь, в почти современной Европе, события последнего часа казались совершенно нереальными. Как будто она побывала в парке аттракционов и вот-вот поедет домой. На машине. С папой или бабулей.

Она даже прислушалась, не звучит ли поблизости автострада? Или, может быть, из какого-то окна доносится «Рок-сет» или какой-нибудь Стинг? Да хоть Шнур! Лишь бы домой.

Но вместо родных и привычных городских шумов слышалось лишь цоканье копыт, обрывки разговоров и механический лязг из мастерской. О, вот еще и звук мотора с шелестом шин!

Мобиль герцога... тьфу ты, Людвига! В общем, мобиль очень напоминал музейный экспонат. Начищенная медь (ни-

келевых сплавов тут еще не знают?), полированное дерево, черный в синеву металлический корпус. Наверное, здесь это считается агрессивным дизайном.

Верха у мобиля не было совсем, даже подъемного. Странно, климат-то европейский, с дождями и снегом. Но расспрашивать Людвига Ринка пока не стала. Не при посторонних.

А он снова глянул на карманные часы (золотые, массивные и явно очень дорогие), усмехнулся и вынул из-за пазухи кошку. Бирманскую, то есть сиамской расцветки, только более пушистую. Ничего общего с трехцветной Аполлонией в ней не было, но Ринка решила отложить вопрос «как и почему» на потом, а пока удовольствоваться объяснением «это магия, детка».

Собака мохнатая приоткрыла синий глаз, искоса глянула на Ринку – и мягко спрыгнула на переднее сиденье, как будто всю жизнь разъезжала в антикварных автомобилях. Людвиг же снял плащ, бросил на заднее сиденье и уселся в машину. Кошка тут же залезла к нему на колени.

– Успеваем на малый утренний прием в королевском дворце. Прекрасно.

Малый... что?! Нет, не может быть. Ей послышалось.

– Садитесь, Рина. – Людвиг передвинул рычажок на приборной панели (совершенно не похожей на современные), и правая дверца открылась.

Ринка еле сдержалась, чтобы не потрясти головой, так автоматические двери не сочетались с дизайном начала два-

дцатого века. И нет, она не будет прямо сейчас выяснять, магия это или техника.

– Красивый мобиль, – улыбнулась она, садясь рядом с Людвигом и машинально пытаясь нашарить ремень безопасности. – Мощный, грозный и мрачный. Индивидуальный проект?

Людвиг снова поднял бровь:

– А у вас мобили штампуют на фабриках?

– Разумеется. У нас все штампуют на фабриках. А где ремень безопасности?

Людвиг непонятно покачал головой:

– Понятия не имею, о чем вы.

Вместо ключа зажигания тоже был рычажок. Людвиг повернул его, и машина, заурчав, плавно тронулась с места. Ринка наблюдала за ним искоса: бабуля говорила, что по тому, как мужчина водит, можно определить характер. Что ж, если верить бабуле и своим глазам, то характер у его светлости должен быть легким, павлиньим и... крайне осторожным. Потому что мобиль полз со скоростью не более тридцати пяти километров в час.

Хотя нет, она не права. Его светлость – тот еще рискованный парень. По сравнению с конными колясками – сумасшедшая скорость. Вон, с какой завистью провожает взглядами мобиль стайка мальчишек.

Ринка невольно улыбнулась, вспомнив, как гоняла с подружками на квадроциклах. Давно, в прошлой жизни. Когда

она была безумно влюблена в музыку, скорость и Влада, впереди ее ждало исключительно счастье...

Смахнув Ктулху знает откуда взявшуюся слезинку, Ринка вернула на лицо улыбку и принялась рассматривать город.

Чисто, аккуратно, дома в три-четыре этажа, с балкончиками-эркерами-колоннами и прочими финтифлюшками, на окнах цветы, вдоль тротуаров фигурно стриженные деревья с листвой самых неожиданных цветов (особенно Ринку порадовал сиреневый с серебристым отливом сдвоенный куб). И чем дальше, тем больше магазинчиков, ресторанчиков и прочей буржуйской прелести. На дорогах в основном коляски, мобилей всего ничего – навстречу попало не больше пары десятков, такого же музейного вида. Кстати, ехали они в самом деле куда медленнее, чем мобиль его светлости.

Пожалуй, если бы не два солнца (она помнила про погодный шар, но отличить его пока не могла) и фантастическая растительность, все это можно было бы принять за какой-нибудь Лейпциг.

Но – нет. Она в другом мире, замужем за чудовищем и, быть может, на пороге мировой войны, если политические события в этом мире похожи на наши. Что с ее везением нормально. Уж что-то, а влипнуть в истории Ринка умела. Одна ее школьная любовь чего стоила...

Так что, наверное, даже неплохо оказаться настолько далеко от дома (чудовище и войну опустим, это пока не точно). Конечно, папа будет волноваться... ладно, папа с ума сойдет,

когда узнает, что она пропала. Петр, наверное, тоже. Вот бы можно было подать им весточку! Соврать, что с ней все хорошо. Конечно, Людвиг сказал, что вернуться невозможно, но... но... Так, не плакать! Держать спину ровно!

Будем считать, что ей выпал шанс начать все сначала.

Она так старалась не всхлипнуть и не дать слезам пролиться, что вздрогнула, когда мобиль остановился, и ей на колени положили белоснежный платок с монограммой.

Машинально утершись, Ринка с ужасом обнаружила на батисте грязно-ржавые разводы. Сжала зубы. Выпрямилась сильнее.

– Благодарю вас, Людвиг.

– Не стоит, Рина. Выпейте.

Ей протянули фляжку, из которой пахло травами и алко-голем. Что ж, в обоих мирах мужчины лечат нервы одним способом. Годным способом.

Глотнув разок, она зажмурилась и замерла, пытаюсь восстановить дыхание и привычно анализируя: чабрец, мята, жень-шень, шалфей, что-то неопознаваемое... и градусов пятьдесят. Перегонный аппарат местной цивилизации явно известен.

После второго глотка изящная рука в черной кожаной перчатке отобрала фляжку.

– Достаточно. И не вздумайте рыдать, герцогиня.

Проморгавшись, Рина огляделась.

Мобиль остановился в узком переулке, перед витриной,

полной платьев в стиле ампир. Кроме платьев, за стеклом были выставлены туфельки, перчатки, ридикюли и даже шляпки. Над витриной блестела золотом вывеска «Салон мадам Шанталь». Напротив и чуть дальше сияла всеми цветами радуги другая вывеска: «Бутик мадемуазель Рене», а в витрине под ней красовались все те же платья и шляпки, но гораздо более ярких расцветок. Переулок чуть дальше перегораживали три коляски и ярко-красный мобиль, в котором скучал шофер.

Наверное, будь на Ринкином месте любая нормальная девушка, она бы вмиг забыла о слезах и почувствовала себя героиней сказки о Золушке. Наверное, будь Ринка не такой уставшей и офигелой, она бы тоже что-то такое почувствовала, хотя бы интерес. Но вместо этого появилась твердая уверенность в том, что платья – не приз, а первый квест. И начинается она квест с минус сотней очков.

Подавив отчаянное желание выскочить из машины и припустить прочь от неожиданного счастья, Ринка хрипло попросила:

– Еще глоток, если вашу светлость не затруднит.
– Непременно, герцогиня, – на сей раз Ринка заметила, как Людвиг выделил голосом ее титул, и даже почувствовала капельку благодарности. – Но потом.

Спорить не хотелось, да и по тону Людвига было ясно, что дело это бесполезное. Правда, Ринка не понимала, чего они ждут... Ровно секунду не понимала. Потому что дверь

салона мадам Шанталь распахнулась одновременно с дверью бутика мадемуазель Рене, и к мобиллю направились сразу два швейцара. На обоих были ливреи, фуражки и перчатки, только на одном кремовая, а на другом розовая. И улыбки! О, что это были за улыбки! Сияющие, словно они увидели сразу всю свою любимую родню и миллион денег золотом.

Разумеется, друг друга конкуренты не замечали в упор.

«Надеюсь, здесь не принято обниматься, – со страхом подумала Ринка. – Или драться за клиентов».

Людвиг рядом едва слышно хмыкнул, а кошка на его коленях сделала вопросительный «мрр?» и повела ухом.

По счастью, страхи оказались напрасными. Все с той же сияющей улыбкой швейцар в кремовом открыл дверь мобилля для Людвига, а швейцар в розовом для Ринки. И руку подал так, словно перед ним была королева красоты. Вот это дрессура! В родной Москве, явись Ринка в бутик в таком виде, ее бы на порог не пустили. Или облили презрением с ног до головы. Да что там в бутик, на рынке, и то бы сделали морды. И наличие Петра рядом бы их не остановило.

– Рина?.. – едва слышный шепот Людвига вывел ее из ступора, и она поняла, что надо взять его под руку. И морду держать, морду! Она теперь герцогиня, мать вашу Ктулху!

Оба швейцара пропустили Людвига с Ринкой вперед, а Ринке стало до жути любопытно, какой магазин выберет Людвиг? Она даже покосилась на супруга и быстро-быстро отвела взгляд. Чисто на всякий случай: герр некромант выгля-

дел так, словно раздумывает, кого убить первым – розового швейцара или кремового.

Что ж, значит – ближайший, и к ассортименту это не имеет никакого отношения.

Ринка оказалась права. Людвиг свернул к «Салону мадам Шанталь», до которого было на целых пять метров ближе.

– Ваша светлость, какая честь! – кругленькая, напудренная и задрапированная в кремовый шелк мадам Шанталь встретила их у дверей.

– Позаботьтесь о моей супруге, мадам. Нам через пятьдесят минут следует быть во дворце.

– Разумеется, ваша светлость, – не переставая улыбаться, мадам сделала реверанс Людвигу и обратилась к Ринке: – Собогазоволите пройти со мной, ваша светлость.

– Жду вас через полчаса, дорогая, – чопорно сказал Людвиг и спасся бегством.

А мадам Шанталь повела Ринку в глубину помещения, мимо двух дам. Судя по вороху тканей и груде обувных коробок, явление герцога с супругой прервало выбор нарядов.

– На этот раз Черный Вдовец подобрал новую супругу на помойке, – одна из дам, поднесла к глазам лорнет и сделала брови домиком. – Бедняжка. Хоть напоследок поживет как человек.

– Может быть, этой повезет больше, – с притворным сочувствием вздохнула вторая. – Но я слышала, за Бастельеро

сватали мефрау Вебер...

О великий Ктулху, во что я влипла! Ладно, змеюки завистливые, но муж по прозванию Черный Вдовец! Сколько жен он уже похоронил? Надеюсь, он их хотя бы не ест... Может, еще не поздно сбежать? Вот только если супруг ее догонит...

Спокойствие, главное – спокойствие. Наверняка змеюки просто ее пугают, а на самом деле не все так ужасно. Вряд ли Людвиг превращается в самку каракурта, это было бы слишком даже для «это магия, детка».

В задней комнате мадам Шанталь сдала Ринку стайке помощниц.

Первым делом ее измерили, а затем раздели и засунули в ванну. Здоровенную, на львиных лапах. Кстати, водопровод здешней цивилизации тоже был известен. Даже с горячей водой! А вот химические ароматизаторы – нет, и это было плюсом.

Ей промыли голову травяным отваром (ромашка, мята, вербена и что-то еще), ее всю намазали кремами, завернули в горячее льняное полотенце и усадили перед зеркалом.

– У вашей светлости изумительные волосы, так жаль, что короткие! – вздохнул средних лет южанин, обилием кружев и томностью похожий на гея-стилиста. – Но вам не о чем волноваться, мэтр Джованни сотворит для вас чудо, и вы будете самой прекрасной ффрау во всей столице! Ах, как это романтично!..

Ринка еле удержалась, чтобы не сказать какую-нибудь рез-

кость. Романтично? Конечно, жуть как романтично! Черный вдовец женился на бродяжке. Читайте завтра во всех газетах столицы. Черт бы подрал местные заморочки!

Но вместо резкости она улыбнулась южанину:

– Сам мэтр Джованни? Мне повезло.

Тот просиял и принялся колдовать над ее прической, попутно делясь сплетнями. Запомнить имена Ринка даже не пыталась, только время от времени угукала.

– ...будете осторожны! Мобили чрезвычайно опасны! Вы же не водите мобиль, фрау Бастельеро? И не пробуйте, упаси вас Единый... такая трагедия! Герцог был безутешен...

«Болтун – находка для шпиона», – подумала Ринка, пытаясь вычленив из щебета метра Джованни еще что-то про покойную жену (жен?) Людвига. Но больше ничего, кроме ее пристрастия к атласным туфелькам, изумрудам и мобилиям бриттской марки «Драккар», выловить не удалось.

– Герцога обвиняли в ее смерти?

– Ах, не стоит обращать внимание на досужие домыслы! Герцог Бастельеро прекрасный, прекрасный человек! Не слушайте никого, прелестная фрау, уж вы-то точно растопите его ледяное сердце. Вы так милы и невинны... еще сделаем локон вот тут... и немножко ресницы... посмотрите, посмотрите же!

Мэтр развернул ее кресло к зеркалу, и Ринка обомлела. Это магия?

Из зеркала на нее смотрела принцесса. Фарфоровая. С

огромными серо-зелеными глазищами, нежным румянцем на скулах, густыми блестящими волосами, собранными в низкий узел и выпущенными на висках. Элегантная простота. Как? Ладно, прическа и макияж, но ее светло-пепельные волосы никогда не имели такого изысканного оттенка!

– Вы – волшебник, мэтр Джованни.

Южанин польщенно улыбнулся, поцеловал ей руку и крикнул:

– Мадам Шанталь!

Но вместо мадам Шанталь в комнату заглянула одна из ее помощниц.

– Это для вашей светлости, – она заторможенно сделала книксен и протянула Рине конверт на подносе.

Машинально взяв его, Рина собралась спросить, от кого – но девушка уже сбежала.

Странно. Зачем Людвигу писать ей записки? Явно же от него, никто больше о ней не знает... – подумала она, разворачивая бумагу.

«Приветствую вас, драгоценнейшая Агриппина», – прочитала она на чистейшем русском языке.

На русском?! Нет, наверняка показалось!..

Ринка усилием воли заставила руки не дрожать, кинула взгляд на мэтра Джованни – и едва не заорала от страха. Южанин так и стоял рядом, невидяще глядя поверх ее головы и бессмысленно улыбаясь.

Это – магия? Но зачем, кто?..

«Я рад, что ваше путешествие прошло удачно, и приношу глубочайшие извинения за то, что не сумел встретить вас, и вы попали в руки герцога Бастельеро. Поверьте, вам совершенно нечего бояться. Главное, не вздумайте злить его или пытаться сбежать. Ни одна из герцогских жен не погибла в первую брачную ночь, и если вы будете осторожны и разумны, то в ближайшее время вам ничто не угрожает.

Также прошу прощения, что не представляюсь до нашей с вами личной встречи. Вам пока лучше не знать моего имени, но будьте уверены: я заинтересован в вашем благополучии и приложу все усилия к тому, чтобы вы как можно скорее освободились от навязанных вам обязательств.

Не волнуйтесь о вашем дорогом отце, он пока пребывает в уверенности, что вы отправились на курорт. Ваша разлука не продлится долго, обещаю вам.

Ваш, смею надеяться, друг.

П.С. Как только вы дочитаете, письмо самоуничтожится». Вашу мать...

Выпустив бумажку из рук, Ринка ошарашенно смотрела, как та сгорает в синем бездымном пламени. И совершенно не удивилась, когда горящая бумажка коснулась ее босой ноги – легко, щекотно и без малейших признаков жара.

И только когда бумажка исчезла совсем, – Ринка наклонилась и провела пальцем по паркету, убеждаясь в отсутствии пепла, – мэтр Джованни отмер и снова позвал мадам Шанталь.

Она тут же вкатилась в комнату, а за ней – помощницы с тканями, коробками...

Ринка отстраненно подсадовала на «неизвестного доброжелателя». Если бы не записка, она бы, наверное, сумела насладиться выбором наряда. Когда-то ей безумно хотелось почувствовать себя Джулией Робертс из «Красотки», примерить сотню платьев, и чтобы вокруг все суетились и спешили ей угодить. Нормальная мечта нормальной неизбалованной девушки. Но сейчас она даже смотреть не могла на наряды, ей казалось, что ее одевают в погребальный саван.

Чертово артистическое воображение! Еще немного, и она начнет читать монолог Офелии!!!

– Мадам Шанталь, – она прервала хозяйку салона на полуслове. Все равно ж не понимала, что ей говорят. Шок, он такой шок. – Можно мне чего-нибудь сладкого? Кажется, я немного волнуюсь.

Мадам тут же заохотала, и по мановению пухлой руки рядом с Ринкой явился поднос с крохотными пирожными.

Вкусными. Очень сладкими и очень вкусными!

– ...ваша светлость не против цвета росистого луга? Конечно, можно еще лавандовый...

Чья-то рука с салфеткой поймала на лету крошку последнего пирожного, чтобы та не запачкала нечто шелковистое, во что Ринку задрапировали.

– Спасибо... я... – Ринка закашлялась, прочищая горло: от нервов она всегда хрипела и сипела. – Я всецело доверяю

вашему вкусу, мадам.

Она попробовала улыбнуться, но у нее не получилось.

И черт с ней, с дипломатией. Надо немножко подумать и успокоиться, а то сейчас будет истерика. Вот мама точно бы уже кидалась посудой, вопила, топала ногами и падала в обморок, но она-то не опереточная примадонна, она – студента биофака, без пяти минут магистр. Не зря же папа и бабушка учили ее научному подходу. Вот только собрать бы мысли в кучку!

Но мысли совершенно не желали собираться ни в какую кучку. Разбегались, как тараканы. И в голове вертелось попеременно: черный вдовец, товарищ Штирлиц, кому выгодно, «в поликлинику, на опыты» и «ничего лично, все ради науки».

Друг, мать его Ктулху! С такими друзьями и врагов не надо!

Пока ее одевали и обували, Ринка старательно дышала. Ровно. И повторяла наизусть теорию биогенеза.

И даже смогла не расплакаться от растерянности и бессилия.

– Ваша светлость прекрасны. Его величество будут поражены в самое сердце, – заявила мадам Шанталь, оглядывая творение рук своих. – Мими, зеркало, быстро!

Волшебное создание в зеркале Ринка не узнала. Серебристо-зеленоватое платье что-то такое магическое сделало с ее фигурой и цветом кожи, и цветом глаз тоже, и вообще...

Отстраненно подумалось, что если бы ее сейчас увидел Влад, он бы точно не сказал «дура, где ты, а где я!»

Он бы наверняка пожалел, что бросил ее.

И его родители... Ринка как наяву увидела презрительно-сочувственную гримасу Владовой маменьки, растившую мальчика не для какой-то там тупой и навязчивой девчонки, отец которой – всего лишь завлаб в подмосковном НИИ. Ее мальчика ждет как минимум Принстон, мировая слава и невеста с миллионным приданным. А она... она... она должна понимать, что не имеет права ломать мальчику жизнь... что не нужна ему...

Зато нужна каким-то подозрительным личностям, и наверняка – на опыты, как лягушка...

– Ваша светлость? Мими, что ты стоишь, соли, быстро! – послышалось словно сквозь толщу воду. – Откройте же окно!

От ужасной вони нашатыря Ринка задохнулась – и очнулась.

В незнакомой комнате, среди незнакомых людей. В чужом мире. На пороге своей личной войны, стопроцентно – с превосходящим противником и за собственную жизнь.

Чьи-то руки спешно распускали корсет, чьи-то поддерживали ее по локти, а мэтр Джованни махал на нее огромным веером.

– Простите, ваша светлость, сейчас все исправим... вот так не слишком туго? Вдохните глубже, прошу вас! – суети-

лась вокруг мадам Шанталь.

Ринка послушно вдохнула. Сфокусировала взгляд на отражении в зеркале. Улыбнулась ему, как публике в зале. Просто представим себе, что это – экзамен в театральное, и ей всего лишь надо сыграть... нет, не Офелию. Что-то другое. Но что именно – она пока не понимала, слишком мало данных.

– Все в порядке, мадам Шанталь. Не нужно распускать сильнее.

– Благодарю, ваша светлость, – мадам облегченно выдохнула. – Его светлость будет через минуту, идемте.

Ринка позволила вывести себя обратно в салон. Идти в новых туфлях было неудобно, и Ринка хотела попросить их заменить, но не успела. В салон вошел Людвиг.

Он снова был в черном, но на этот раз – никаких сапог и кожаных плащей. Сюртук (или что-то очень похожее, длинной до середины бедра), белоснежная рубашка, белоснежный шейный платок с бриллиантовой булавкой, строгие брюки, блестящие туфли. Белые перчатки. Через руку перекинут длинный черный плащ на алой подкладке.

Ринка невольно залюбовалась, так он был похож на молодого Дворжецкого: не мармеладный красавец, но какая порода, какая харизма!..

Ему бы Ричарда Третьего играть. Или Борджиа.

Понять бы, какая роль уготована ей, и как бы попасть на место режиссера в этой постановке!

– Что ж, неплохо, – кивнул Людвиг и подошел к Ринке, на ходу доставая из кармана что-то... – Последний штрих, дорогая. Замрите.

Она послушалась, и даже почти не вздрогнула, когда ее шеи коснулось холодное и тяжелое. А затем – ее запястье сквозь перчатку.

Опустив взгляд, она обнаружила на запястье нечто безумно дорогое и старинное, из белого золота с хризолитами и черными сапфирами. Машинально дотронулась до обвинившего шею колье, наверняка столь же дорогого и красивого, но очень похожего на ошейник. Дорогой, красивый ошейник.

– Идемте, фрау, – велел Людвиг.

Ринка поежилась от сквозившего в его голосе холода. Словно он был недоволен увиденным.

Где-то в глубине души стало обидно, что ее не оценили. Она, может, первый и единственный раз в жизни такая красивица!

И где-то рядом, все в той же глубине души, стало смешно. Она на войне, ее жизнь в опасности, а она думает о таких глупостях! Как будто ее брак с герцогом Бастельеро – не фарс, а романтическая история любви.

Уже перед самыми дверьми кто-то из девушек мадам Шанталь накинул ей на плечи невесомую пелерину из серебристой лисы.

На миг Ринка пожалела, что те две змеюки уже покинули салон. Сейчас бы они не посмели заикнуться о бедняжках и

помойке. Впрочем, теперь Ринке было глубоко наплевать на змеюк, у нее были проблемы куда серьезнее.

– Я должна что-то знать о дворцовом этикете? – спросила она, когда мобиль выехал из переулка.

Ей хотелось спросить совсем не об этикете, но выдать себя сейчас – это похоронить надежду на спасение. Нельзя показать супругу, что она знает гораздо больше, чем при их последней встрече. А доверяет ему еще меньше, если такое вообще возможно.

Людвиг покосился на нее с удивлением, словно кукла вдруг заговорила.

– Ведите себя естественно, первой ни с кем не заговаривайте, на вопросы отвечайте без излишних подробностей. И ни в коем случае не упоминайте, что вы из другого мира.

– Но что мне тогда говорить?

– Что вы из... как называется ваша страна?

– Россия, город Москва.

– Значит, Россия. Вы из провинции, древний обедневший род. Вы прибыли только сегодня утром, не порталом, все перемещения легко отследить, а в карете. Почему вас выдали за меня, вы не знаете и родителей не спрашивали, потому что вы – хорошо воспитанная почтительная дочь. Это самое главное, о чем вам нужно помнить: скромность и послушание. Вы хорошо меня поняли, фрау?

Посчитав до пяти и проглотив вертевшееся на языке

«яволь, майн фюрер», она очень, очень ровно ответила:

– Да, ваша светлость.

А потом прикрыла глаза и начала перечислять типы хромосомных чисел. Отличный способ справиться с нервами. Супругу она достойно ответит потом, когда во всем разберется. В конце концов, она герцогиня или хрен собачий?..

Не зря же добрая половина ее детства прошла в Московском Театре Оперетты. Ни опера, ни оперетта, ни мюзикл Ринке больше не светят, но это не значит, что она бездарность и не сумеет сыграть роль герцогини. Не леди Макбет, железный характер показывать не стоит, да и нет в ней железного характера. Пожалуй, еще не поздно изобразить Адель из «Летучей мыши». Наивным блондинкам многое прощается.

Вот за оставшиеся пару минут – уже показался дворец, маленький, но очень нарядный, словно пряничный – и надо вжиться в роль. Пары минут вполне достаточно.

– Расскажите немного о короле. Он старый? – слегка, чтобы не переиграть, похлопав ресницами, спросила она.

– Нет. Ему всего тридцать два года, – сухо ответил Людвиг.

– А вам?

– Двадцать восемь.

– А не скажешь... – протянула Рина, оглядев супруга и еще раз хлопнув ресницами. – Выглядите старше.

«Лет на десять», – не добавила она, хоть и хотелось. Хо-

лодный, мрачный эгоист. Как будто родился стариком. И все он не харизматичный, а жуткий. Как Дракула.

– Вас это смущает? – тон Людвига стал совсем холодным.

– Нет. Совершенно не смущает. Скажите, а вас не смущает, что ваша супруга явится на прием э... дура душой?

– Нет. Совершенно не смущает, – Людвиг обернулся к ней с людоедской улыбкой. – Кстати, мы приехали.

– Мр-р мя? – раздалось с заднего сидения.

– Посиди тут, мы скоро, – неожиданно мягко ответил Людвиг кошке и ласково погладил ее между ушей.

Собака страшная, сердито подумала Ринка. Подлиза. Дрянь мохнатая. Не сбежала бы.

И только когда ливрейный лакей открыл ей дверь мобиля, подняла взгляд на дворец. Пряничные домики опасны, это каждый ребенок знает. А кто предупрежден, тот вооружен. Так что здравствуй, второй квест. Кстати, его герцогиня Бастельеро начинает уже не в таком глубоком минусе. А, скажем, всего лишь с десятью очками ниже нуля и джокером в рукаве.

Справимся!

Глава 4, о суровых буднях контрразведчика

*Виен, Астурия. Королевский дворец
Людвиг*

Как Людвиг и рассчитывал, утренний прием был в самом разгаре. Чопорный дворецкий, которого кузены знали еще с детства, встретил его у двери в Утренний зал.

– Как представить спутницу вашей светлости?

Когда Людвиг сказал «герцогиня Бастельеро», дворецкий и глазом не моргнул.

Зато, стоило ему объявить герцога с супругой, на зал упала оглушительная тишина.

Людвиг протянул Рине руку, девушка грациозно на нее оперлась, и они вошли в зал. Он усмехнулся про себя, оглядывая немую картину: шок, любопытство, возмущение и снова шок. Особенно это прекрасно выглядело в исполнении ее высочества Бастельеро-Хаас. Матушка, которая не может и слова сказать – о, этим шедевром Людвиг готов был любоваться вечно.

Сестрицы, не достигшие пока матушкиных высот в придворном этикете, вылупили глаза и готовы были рухнуть в обморок. Несостоявшаяся невеста пыталась скрыть замеша-

тельство и злость за модным хмирским веером. Надо же, ее благостное личико умеет выражать эмоции, кто бы мог подумать! Посол Франкии улыбался с ехидцей, а стоящий рядом с ним франк с военной выправкой был слишком спокоен, чтобы поверить в его равнодушие. Кстати, франк выглядит знакомым... точно! В Астурию пожаловал барон де Флер, рыцарь Ордена Лилии. Шпион. Утро становится все увлекательнее!

Остальные придворные, как всегда при его появлении, едва скрывали страх, круто замешанный на зависти и брезгливости. Кретины.

Людвиг любезно улыбнулся и обвел их всех взглядом, наслаждаясь гаммой эмоций на лицах. Впрочем, недолго. Матушка умерла первой и успела сделать к Людвигу шаг, наверняка намереваясь закатить очередной скандал, но тут открылись другие двери (четкое планирование и хронометраж – великая сила!), и по залу разнеслось торжественное:

– Его величество Гельмут Четвертый, милостью Единого король Астурии!..

Привычно отключившись от перечисления титулов и подвластных кузену земель, Людвиг склонил голову (и спрятал ухмылку). Он точно знал, что кузен не удержится и подойдет. Сразу. С его прекрасным зрением невозможно не заметить на запястье фрау Рины фамильный браслет Бастельеро.

И, разумеется, не ошибся. Четкие, как по плацу, шаги короля звучали все ближе...

– Людвиг! Ты женился?

– Как ваше величество и желали, – Людвиг добавил в тон верноподданнического меда.

– Прелестно, просто прелестно... – пробормотал кузен, разглядывая фрау Бастельеро; издевку Людвигу он проигнорировал. – Где ты нашел этот юный невинный цветочек? Как ваше имя, милое дитя?

Людвигу стало смешно. Невинный цветочек, как же. Держите руки подальше, кузен, пока их вам не откусили.

– Рина Бастельеро, в девичестве Ланская, ваше величество, – шепнул с придыханием прелестный цветочек, взмахнул пушистыми ресницами и присел в реверансе.

И это – выскочившее из портала чучело, дравшееся с двумя бродягами не хуже уличного мальчишки? Уж не поторопились ли вы, герцог Бастельеро, с браком? Не похожа ваша супруга на тихую и покорную девицу. Даже на дочь обедневшего рода не похожа. Предположим, красотку из нее сделала мадам Шанталь – за такие-то деньги! Но простолюдинку как не одевай, все равно видно подлое сословие. А эта... нет, определенно дворянка. Слишком уверенно держится, никакого трепета перед королем, и реверанс явно делает не в первый раз. Если бы Людвиг сам не видел, как ее принесло стихийным порталом, заподозрил бы шпионку экстра-класса. Но вряд ли дорогие соседи научились ставить порталы в иные миры, и даже если бы научились – слишком большая пушка, чтобы из нее стрелять по Людвигу.

Хотя если целились не в него, а в Гельмута, то почему бы и нет. Астурия – кусочек маленький, но лакомый. Перекресток торговых путей, выход к морю, практически неприступные горы с двух сторон, золотые рудники... и страшно таинственный жупел в виде рода Бастельеро, о чем тоже не стоит забывать.

М-да. Вместо замарашки – очаровательная аристократка, вместо не разбирающейся в местных реалиях иномирянки – шпионка. Похоже, дорогой герцог, вас изящно поимели.

Тем временем Гельмут облобызал ручку фрау Бастельеро, отпустил еще пару комплиментов, продолжая держать ее ладонь в своей. Будь на его месте кто другой, Людвиг бы уже вызвал его на дуэль, но король может себе позволить нарушить все правила приличия. Только пусть не думает, что Людвиг отойдет в сторону и опять позволит наложить королевскую лапу на свою собственность. И плевать, шпионка его жена или не шпионка!

Фрау Бастельеро, ничуть не смущаясь августейшего внимания, разглядывала Гельмута с неподдельным восторгом. Но лишнего не говорила – только «благодарю, ваше величество, вы так добры, ваше величество».

Что ж, не стоит удивляться, что еще одна его жена возмечтала попасть в королевскую постель. Гельмут, в отличие от Людвига, галантен и красив. Белокурый, высокий, с мужественными резкими чертами, темно-синий мундир подчеркивает широкие плечи и военную выправку. Идеальный ге-

рой-любовник из обожаемых сестрицами бульварных книжонок.

А за парадным фасадом скрывается расчетливая сволочь, как и положено крепко сидящему на троне королю.

– И когда же вы поженились? – Гельмут протянул руку, и Людвиг с поклоном вложил в нее брачный контракт.

– Полтора часа назад, ваше величество.

Гельмут быстро пробежал по серой дешевой бумаге глазами.

– Великолепно. Я ценю твою исполнительность, дорогой кузен, – Гельмут еще раз окинул новобрачную оценивающим взглядом, задержавшись на декольте, и медленно, с намеком растянул губы в улыбке. Придворные немедленно зашушукались, делая ставки за и против новой королевской фаворитки. – Фрау Рина, я ненадолго похищу вашего супруга. Не скучайте.

Виен, Астурия. Королевский дворец
Рина

Скучать? В этом блестящем серпентарии? Да его величество шутник, однако.

Ринка молча сделала реверанс и похлопала ресницами аля кукла Барби. А его величество, мать его Ктулху, милостиво потрепал ее по щечке.

На королевскую милость немислимо хотелось щелкнуть

зубами, но Ринка сдержалась. Глупо будет в первый же день в новом мире оказаться за решеткой по обвинению в покушение на короля.

Впрочем, когда король подмигнул ей и увел супруга (злого, как тысяча чертей), Ринка на миг даже пожалела об отсутствии решетки между ней и придворными. Уж очень многообещающе на нее смотрели. Примерно как стая акул на толстого, вкусного туриста, заплывшего на середину Красного моря.

Прикусив изнутри щеку, чтобы отогнать подступающую панику, Ринка огляделась в поисках укромного местечка, где она могла бы укрыться. Но в чертовом зале не нашлось ни колонн, ни цветов, ни мебели, только окна по обеим сторонам и три двери: через одну они с Людвигом вошли, в противоположную только что ушел король, а из третьей показался слуга с подносом, уставленным бокалами.

Что ж, хотя бы отступить к окну, пока господа придворные угощаются.

Рассеянно-высокомерно улыбнувшись и еще сильнее расправив плечи, Ринка направилась к ближайшей оконной нише, хоть плохонькое, да укрытие. Буквально через мгновение она вздрогнула, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Невольно обернулась – и встретила глазами с... Петром?! Нет, не может быть!

На миг замерев, Ринка рассматривала незнакомца, так похожего... и лицом, и мимикой, и даже осанкой. Даже любо-

вью к темно-синим, в тончайшую полоску, пиджакам! Вот только вместо пиджака на незнакомце был сюртук, темно-русые волосы обильно серебрились, и лет ему было не меньше пятидесяти.

Зато улыбка, – а незнакомец ей улыбнулся, отсалютовав бокалом, – та сама. Петина.

Ринке немыслимо захотелось подойти к нему, спросить... что спросить? Не знаете ли вы Петра Георгиевича Костомарова, администратора Сколковского Научного Центра? Ага. И загреметь в поликлинику, на опыты.

Спокойствие, Агриппина Николаевна, спокойствие. Никому нельзя доверять, если только местная наука вам не дороже собственной жизни.

С трудом заставив себя изобразить в ответ все ту же рассеянную улыбку утомленной кинозвезды, Ринка отвернулась и продолжила стратегическое отступление к окну.

– ...вы слышали, дорогая, сегодня на рассвете над Виен видели драконов! – донеслось до Ринки от ближайшей группы придворных, мимо которых она намеревалась проскользнуть.

– Да что вы говорите, дорогая!

– В «Утреннем Герольде» писали...

– Ах, как можно верить...

– Я сам видел, милые дамы, два самых настоящих...

– ...может быть, у них свадебное путешествие?..

– ...подожгли тот самый дуб, барон побежал жаловаться

в магистрат, но это же драконы...

– А вот моя милая Гретхен...

– Попробуйте средство мэтра Джованни, хотя вашей дочери вряд ли поможет...

Ринка очень старалась проскользнуть незамеченной, но как назло, незнакомые дамы перегородили ей дорогу, а одна из них обернулась, и...

– Ваша светлость! Сегодня чудесная погода, не правда ли?

– Несомненно, – Ринке пришлось остановиться и ответить. – Простите, мы не были представлены...

– Графиня Шмульц, к вашим услугам, – дама обозначила реверанс. – Ах, такой сюрприз, такой сюрприз!

Маневр не удался, с тоской подумала Ринка, улыбаясь окружающим ее дамам и кавалерам, до ужаса похожим на пираний в стразиках.

– Никто и не знал о вашей помолвке. Давно ли вы знакомы с герцогом?

– Когда вы прибыли?

– У вас такой необычный акцент...

– Почему вас никто не видел?

– Никогда не слышал о роде Лаанска, вы в самом деле из России?

– А где располагаются ваши земли? Какой титул носит ваш батюшка? Есть ли в вашей семье дар? Правда ли, что... – со всех сторон посыпались вопросы, и что-то ей подсказывало, что господа придворные от любопытства положили на

этикет большой желтый банан.

– Ах, господа, вы заставляете меня смущаться, – почти пропела она, вспомнив мамины уроки актерского мастерства, и похлопала ресницами. – Я так признательна вам... Такая теплая встреча... его светлость Людвиг говорил, что Виен – самый гостеприимный город на свете, но я не ожидала... вы так добры!..

Пираньи слегка опешили. Как же, их назвали добрыми! Увы, не все. Вперед выступил старичок крайне важного вида, с тростью и кокетливыми седыми локонами. Он представился каким-то там бароном, Ринка не разобрала длиннющей немецкой фамилии, и приступил к допросу:

– Так когда вы, говорите, прибыли?

Ах ты, старый дотошный пень! Чтоб тебя супруга так допрашивала каждый вечер!

– Только сегодня утром, – Ринка расцвела сияющей улыбкой и опять похлопала ресницами. – Моя матушка совершенно не доверяет порталам, но путешествие было таким интересным! О, ваша прекрасная страна произвела на меня огромное впечатление!.. Такие прекрасные виды! Но я не видела ни одного клюквенного сада, неужели у вас не растет клюква? Ах, у матушки она вырастает такой развесистой, вы себе не представляете!.. Вы когда-нибудь пили чай под развесистой клюквой?..

Старикашка аж покачнулся, но уперся тростью в пол и вознамерился задать новый вопрос, но Ринка не дала ему и

рта раскрыть.

– Матушка велела мне не разговаривать с незнакомыми мужчинами, это ужасно опасно, но ведь с вами-то можно, правда? Вы так похожи на моего пра-прадедушку, боярина Малюту Скуратова!..

– Откуда вы, милое дитя? – сумел вклиниться в монолог старый пень. И кустистые брови нахмурил. Жуть как грозно, ага.

– Из России, господин барон, наше поместье Черноголовка, что в Ногинском округе...

– Я не помню такой фамилии!

Да черт бы тебя побрал, зануда!

– Ах, это так прискорбно! Батюшка в таких случаях советует принимать винпоцетин, вы знаете, нарушение мозгового кровообращения опасно в любом возрасте. Вот у нас в оранжерее растет удивительное растение с южных островов, гинко билоба, его листья обладают совершенно уникальными свойствами. Чрезвычайно полезно для цвета лица!

Пока старикашка от возмущения пучил глаза и хватал воздух ртом, в разговор вклинилась та самая графиня, Шмульц, кажется:

– Так вы маг?

– Нет, что вы. Я всего лишь скромная и послушная дочь моего отца. Вот мой батюшка, да, он великий маг и ученый...

На половине фразы Ринка поняла, что сказала что-то не то. Не уважают здесь нетитулованных ученых. Но придумы-

вать неизвестную благородную фамилию – опасно, хоть и очень хочется заткнуть всех этих блестящих акул.

– Ах, ученый... – разочарованно протянула графиня.

– О да, мой батюшка – доктор наук. В нашем просвещенном государстве... – Ринка не успела закончить фразу, как ее прервал глубокий, хорошо поставленный бас с совершенно Петиными интонациями:

– ...звание доктора наук ценится куда выше древнего боярского титула, не так ли, ваша светлость? – импозантный незнакомец непринужденно отодвинул напыщенного старикашку с тростью, причем никто ему и слова не посмел сказать. Судя по реакции придворных, басовитый господин пользовался тут авторитетом лишь чуть меньшим, чем сам король, а еще им восхищались, перед ним заискивали и его боялись. Серый кардинал? Госбезопасность? Соседский король на каникулах? – Простите, что вмешался в беседу, но не мог упустить случая засвидетельствовать свое почтение дочери дорогого коллеги. Доктор Петер Курт, граф Нюрбрег, глава Астурийской Академии Наук.

Доктор Петер (где моя лаборатория с сотней научных сотрудников и бюджетом в миллиард баксов, чтобы исследовать совпадения между мирами?! И порталы! И взаимодействие! И... и... все исследовать!!!) грациозно поклонился. Он буквально излучал дружелюбие и безопасность. Почти как Петр.

Вот бы сейчас вернуться домой, к Пете! Милому, надеж-

ному, предсказуемому, безопасному Пете! Я бы выслушала сто лекций о безопасности жизнедеятельности! Я бы научилась готовить его любимые котлеты из индейки! Я бы что угодно сделала, лишь бы домой. И к чертям приключения! А исследовать можно и дома, в универе хоть три лаборатории можно набрать!

Но вместо того чтобы броситься к доктору Петеру на шею и завопить «Петенька, заberi меня отсюда, я никогда больше не забуду зонтик!», Ринка протянула руку для поцелуя и светски улыбнулась. Разумеется, намного теплее, чем окружающим змеюкам.

– Счастлива знакомству, доктор Курт. Батюшка отзывался о вас с огромным уважением.

– Благодарю, ваша светлость. Ваш батюшка, доктор... э...

– Николай Ланской, генетика. Вряд ли вы знакомы с его монографией об экспрессии чужеродных генов в клетках грамотрицательных бактерий...

Конечно, это был выстрел на удачу, но Ринка рискнула. Генетика, судя по растениям невероятных расцветок, здесь известна. И, судя по резко поскучевшим мордам придворных, не слишком-то интересна благородному обществу.

– Экспрессия генов? Чрезвычайно интересно, хотя моя основная специализация лежит в другой области. Исследования порталов, которым так не доверяет ваша матушка. И могу вам сказать по секрету, в чем-то она права, – доктор Курт заговорщицки подмигнул Ринке. – Я был бы очень рад

познакомиться с вашим батюшкой, если он найдет время посетить Астурию...

– Вряд ли, многоуважаемый доктор Курт, – прервал его незнакомый тенор. Уверенный, резковатый и до дрожи в коленках начальственный. – Доктор Ланской не собирается покидать родину, не так ли, герцогиня?

Ринка подняла глаза на новое действующее лицо и обомлела. Вот иначе и не скажешь. Перед ней явилась воплощенная девичья мечта, достойная играть Ахиллеса в «Трое», и пусть Бред Питт удавится от зависти. Честно. Мужчин такой красоты нельзя выпускать на улицу во избежание массовых беспорядков.

Какое счастье, что у нее иммунитет на белокурых бестий! Даже почти аллергия! В Астурии (ага, теперь она хоть знает, как называется местная Австрия и местная Вена) иммунитет к красивым блондинам необходим примерно так же, как прививка от малярии в Африке.

– Прошу прощения, я не представился. Герман Энн, граф Эннский, коллега вашего супруга.

– ...и генерал Оранжереи, – доктор Курт поморщился с видом доброго дядюшки, уставшего от гиперактивных племянников, а Ринка на миг зависла: генерал Оранжереи, какое странное звание! – Вы, как всегда, некстати, дорогой граф. Я только собирался пригласить фрау Бастельеро выпить чашечку чая и поговорить о ее батюшке.

– С удовольствием, доктор Курт, – улыбнулась ему Рин-

ка. – Если мой дорогой супруг не будет против.

– Возможно, и не будет, – граф Энн одарил ее теплым взглядом (иммунитет, ау!) и жестом подозвал лакея. – Для меня чрезвычайно приятной неожиданностью явился выбор Людвига. Признаюсь, я опасался, что третий его брак окажется не более счастливым, чем первые два. Но вижу, опасался зря.

Рика потупилась и захлопала ресницами с удвоенной силой.

А доктор Курт тем временем поклонился:

– До встречи, герцогиня, – и растворился в толпе.

Впрочем, господа придворные тоже растворились. То есть отошли на почтительное расстояние – метра три, не меньше.

– Будьте осторожны с доктором Куртом, фрау. – Граф Энн вручил Ринке бокал с белым вином. – У доктора весьма непростые отношения с Людвигом, не хотелось бы, чтобы вас использовали в ненужной вам игре.

– Вы думаете?..

– Ваш батюшка не предупредил вас, что не следует распространяться о подробностях его работ? Генетика, дорогая фрау, это очень перспективное направление науки. И очень опасное. Удивительно, как ваш государь разрешил вам выйти замуж за герцога Бастельеро. Кстати попробуйте рейнское, урожай тридцать первого года. Удивительный букет.

Ринка машинально поднесла бокал к губам, отпила – в самом деле вкусно, и вроде не слишком крепко. А во взгляде

графа Энн мелькнуло что-то такое, знакомое. Как у профессора Карима Демина, расчленяющего труп в анатомическом театре.

Ринке аж полегчало. По крайней мере, соображение чуть вернулось, а желание выложить милейшему, очаровательнейшему, добрейшему графу всю свою попаданческую подноготную утихло. Не до конца, но все же.

И желание броситься на шею доктору Петеру – и выложить подноготную ему – тоже привяло.

Зато стало страшновато. Кто знает, может быть, они тут все маги, гипнотизеры, телепаты и Ктулху знает что еще! А она вообще не в курсе, что тут за магия, как работает и, главное, как ей рядом с этими клятыми магами выжить. Особенно умудрившись заинтересовать своей скромной персоной самого генерала КГБ (прелестное чувство юмора у местных, назвать госбезопасность Оранжевей!), главы Академии Наук (в родной России и почти родной Европе – анаконда не менее смертоносная, чем генералы безопасности), короля (тут вообще ноу комментс, ховайся кто может) и выйти замуж за некроманта.

Некроманта, Карл!!!

И, чтобы не скучно было, настоящего полковника и герцога.

Мама. Мама! Роди меня обратно!

– ...не стоит бояться, прекрасная фрау Рина... вы же позволите называть вас по имени? Моя супруга будет счастлива

познакомиться с вами.

– Благодарю, это такая честь для меня! – на всякий случай Ринка присела в реверансе, напрочь забыв о бокале с вином.

– Осторожно, – граф придержал ее под руку, и Ринка с легким ужасом увидела, как замерло вылившееся из бокала вино, а потом вернулось обратно. – Поверьте, на свойства вина это не повлияло.

Он одарил Ринку еще одной теплой улыбкой и только собирался что-то еще сказать, как рядом материализовался очень серьезный господин в сером с золотом мундире.

– Генерал, его величество желает вас видеть.

– Прошу прощения, – граф приложился к ее руке. – Надеюсь, мы вскоре увидимся в менее формальной обстановке.

– Несомненно, граф.

Настоящий генерал Оранжерее ушел – сквозь расступавшуюся перед ним толпу, строевым шагом, под обстрелом восхищенными дамскими взглядами. А Ринка в задумчивости отпила еще вина. Подумать было о чем, хотя выводы пока сводились к одному: она влипла по самые ушки в чью-то опасную игру. И надо срочно, немедленно разбираться, кто тут против кого играет! И никому, ни за что не доверять! Особенно тем, кому доверять очень хочется.

– Мило, – раздалось рядом тихое, полное яда сопрано.

– Не могу с вами не согласиться, дорогая, – обрадованно отозвалась Ринка.

Без дураков, явление этой холеной, холодной шуки в кру-

жавчиках и золотых локонах Ринку обрадовало, как глоток свежего московского смога после дебрей Амазонки. Знакомое и родное бабское зло. Даже кукольным личиком похожа на заклятую мамину подругу, еще одну приму Оперетты. Интересно, ее не Анжеликой ли звать?

– Зря радуетесь, дорогая, – ласково прошипела змеюка.

– Не имею чести быть с вами знакома, – нежно улыбнулась Ринка.

– Меффрау Амалия Вебер, – принужденный реверанс в исполнении змеюки согрел Ринкино сердце, как и отсутствие титула. По крайней мере, эта будет поменьше задирать нос... и где-то уже Ринка слышала это имя... где? Когда?..

Перед глазами мелькнул салон мадам Шанталь и змеюка с лорнетом.

Точно! Несостоявшаяся невеста Людвига! Наверное, если бы тут было поменьше свидетелей, она бы убила конкурентку. Придушила. И растерзала острыми маникюренными когтями.

– Милое платьё, Амалия, – в голосе Ринки невольно проскользнуло сочувствие: дама, похоже, рассчитывала получить титул, а господин некромант извоили ее прокатить, да на виду у всего бомонда.

Щучка одарила Ринку убийственным взглядом поверх змеиной улыбки.

– Благодарю, ваша светлость. Надеюсь, вы любите белое, ведь вам так скоро придется его примерить. Конечно, если

вас не похоронят в закрытом гробу, как бедняжку Эльзу.

– Ваша забота так трогательна, дорогая, – Ринка демонстративно отпила из своего бокала; сочувствия в ней поубавилось. – Рейнское прекрасно. Почти как наша клюквенная наливка. Вы любите клюквенную наливку?

– Вряд ли алкоголь вам поможет, дорогая. Хотя, конечно, если вы хорошенько напьетесь, вам будет не так страшно. Еще вина?

– Не стоит, дорогая... простите, не запомнила вашего имени. Здесь так много людей, – Ринка похлопала ресницами: нельзя выходить из роли блондинки.

– После вашей глуши, наверное, сложно находиться в приличном обществе. Сочувствую, дорогая. Но не беспокойтесь, вам не придется выходить в свет. Как вы уже поняли, Бастельеро – не самая любимая в Виен фамилия.

– А мне нравится. Фамилия с такой интересной историей! А Людвиг так романтичен! – от хлопающих ресниц Ринки в зале уже должен был подняться ураган. – Говорят, Людвигу сватали другую девушку. Вы представляете! Ах, бедняжка, наверное, ей очень нелегко будет показаться людям на глаза... я ни в коем случае не осуждаю Людвига, он не мог рассказать о нашей помолвке раньше, ну, вы же понимаете, государственная безопасность требует... Но по отношению к бедняжке это так жестоко! Мне так ее жаль! – Ринка, словно не видя задыхающейся от ярости Амалии, вытащила из ридикюля белоснежный платочек с монограммой Бастельеро и

дотронулась уголочком до совершенно сухого глаза. Левого.

– Не стоит жалеть, дорогая, – голос Амалии можно было разливать по пробиркам и продавать за большие деньги в качестве страшного яда. А может быть и как начинку для ядерных боеголовок. – «Бедняжка» гораздо счастливее вас, ведь не ее убьет проклятие.

– Правда? О, расскажите же скорее, дорогая! Что за проклятие? Кто его наложил? А за что? А почему? А... о, дорогая, рассказывайте же!

Несколько секунд в Амалии явственно боролись вредность и подозрительность. Вредность победила. Или желание напугать дуру иностранную.

Ага, шас. А то Ринка сказок про черную-черную руку в детсаду не рассказывала!

– Бастельеро – возлюбленные Смерти, – Амалия понизила голос. – Им не дано любить никого, кроме своей ужасной госпожи. А жен Бастельеро убивают. Превращаются в чудовищ и рвут на части. А потом поднимают! Вы даже сами не поймете, живы вы или уже стали мертвым.

– Ах! – послушно «испугалась» Ринка. – Не может быть!

– Еще как может. Проклятие меняет того, на кого упадет. Вы вряд ли знаете, что герр Людвиг родился милейшим мальчиком. Белокурым, красивым, как его величество Гельмут! Они в детстве были похожи, как две капли воды. А потом проклятие коснулось герра Людвига, и он изменился. В одну ночь! Он весь почернел, все вокруг него стало чахнуть,

умирать и ломаться, а его характер... поверьте, дорогая, вам придется с ним очень нелегко. Он ненавидит все живое!

– Но почему он?.. – «стал черным-черным некромантом», хотелось добавить Ринке, но она боялась истерически рассмеяться. Людвиг – белокурый ангелочек а-ля Гельмут? Прелестно, совершенно прелестно!

– Смерть забрала его дядю, предыдущего герцога Бастельеро, вместе с наследником. Никто не знает, что там случилось на самом деле. Может быть, напали твари с Пустоши. Замок Бастельеро стоит на самом краю Пустоши... – Амалия передернулась и побледнела. – Знаете, я на самом деле рада, что мне не придется ехать туда и спать с герром Людвигом. Он... он ужасный. Никакое состояние, никакой титул этого не стоит. И если бы мой сын стал таким же, как герр Людвиг... Нет, лучше в монастырь!

Ринка опешила, так внезапно переменялось настроение меффрау Амалии. Рассказывая о проклятии, она не издевалась – она боялась. До истерики.

– Амалия, нельзя же верить сказкам... – теперь и Ринке стало не на шутку страшно.

– Бегите от него. Бегите, ффрау, как можно быстрее и как можно дальше. Может быть, вам повезет, и вы останетесь в живых. Сохрани вас Единый! – Амалия быстро обрисовала щепотью круг и, развернувшись на каблуках, сбежала.

А Ринка поймала себя на том, что изо всех сил сжимает ножку бокала. Все еще наполовину полного. Впрочем, когда

она увидела, кто к ней приближается – тут же передумала и постановила считать бокал наполовину пустым.

Глава 5, о делах семейных и государственных

*Виен, Астурия. Королевский дворец
Людвиг*

Кузен, выслушав честный рассказ Людвига о женитьбе (но не о подозрениях на шпионаж), несколько минут искренне смеялся. А потом, велел секретарю найти и привести Германа, налил себе рейнского и с таким же искренним интересом спросил:

– Ну и что ты собираешься делать с иномирянкой?

– Наследника, – пожал плечами Людвиг и тоже налил себе рейнского. – Иномирянка в этом плане ничуть не отличается от наших девиц. Разве что капризничать будет поменьше. Кстати, дорогой кузен, неужели она тебе понравилась настолько, что ты перестал думать о собственной безопасности?

Гельмут снова засмеялся и похлопал Людвига по плечу.

– Не ревнуй, братец. Меффрау Лорелей меня вполне устраивает, а честь подхватить иномирскую заразу я предоставляю тебе. Но, чур, потом не жаловаться.

– Помнится, ты примерно то же самое говорил, когда я женился на Эльзе.

– Ты сравнил! Эльза... м... Эльза! Огонь, а не женщина! А ты ее все равно не любил. Разве можно оставлять такую женщину в одиночестве, а, кузен? Я всего лишь выручил тебя. По-братски.

– Тронешь Рину, я тоже что-нибудь сделаю, исключительно по-братски.

– Никак ты угрожаешь своему королю?

– Упаси Баргот, братец! Я защищаю своего короля, не щадя здоровья. Кстати, надо бы посоветоваться со специалистами по проклятиям: к кому перейдет мой дар, если у меня так и не будет наследника, а я помру во цвете лет? Мы же с тобой родня не только по моей матушке. Твоя бабка была из рода Бастельеро... так что ты, дорогой брат, мой самый близкий родич мужеска полу. Наверное.

Гельмут поморщился, словно лимон откусил, и поднял бокал:

– За твое здоровье и плодовитость, брат. Чтоб наследников у тебя было... много, короче. И быстро!

– Отличный тост, ваше величество, – раздалось от двери.

– А, Герман! – обрадовался король. – Выпей-ка с нами за здоровье верного подданного короны, опоры трона и надежду отчизны.

– Надежду, ее самую, – усмехнулся Людвиг.

– За надежду, так за надежду, ваше величество, – вздохнув, Герман налил себе рейнского и поднял бокал.

– Твое здоровье, брат Людвиг!

Чокнувшись, они выпили и, не сговариваясь, расселись за столом в кабинете.

– Отличное приобретение, Людвиг, – кивнул ему Герман. – Русская аристократка, дочь ученого генетика, с действующими мозгами и в курсе отцовских изысканий. Поздравляю! Почему ты молчал, что добыл сокровище? И какого демона рисковал переправлять ее по земле, а не порталом?

– Э... генетика? – король перевел недоуменный взгляд с Германа на Людвига.

– Людвиг? – теперь недоумевал Герман.

А Людвигу очень хотелось схватиться за голову и этой же головой побиться об стенку. Какие еще сюрпризы преподнесет ему драгоценная супруга, задери ее Баргот?

– Еще какое сокровище, – вздохнул он. – Только она не из России, Герман, а из России. Это другой мир, очень похожий на наш. Если она не врет, то у них нет магии, зато очень развита наука. Мобили там штампуют на фабриках.

– Ты... ты... – теперь Герман схватился за голову, немножко покачался, зажмурившись, а потом налил себе еще бокал рейнского и выпил залпом, безо всякого уважения к букету. – Ты идиот, друг мой. Крайне везучий идиот. Рассказывай.

Людвиг вкратце пересказал: портал, женитьба, преобразование чучела в аристократку.

– Ты сам ее видел.

– Видел. Возьму ее к себе в отдел. Будет тебе, раздолбаю, конкурентка.

– Она некромантка?! Но почему я не увидел? – Людвигу чуть не поплохело.

– Да нет, все не настолько сахарно. Магического дара в ней ноль целых ноль десятых.

– Уф... – выдохнул Людвиг с облегчением. – Так что там насчет генетики?

– Твоя супруга легко сыплет терминологией, доступной только самым продвинутому ученому. Экспрессия чужеродных генов в клетки бактерий, видите ли. Монография ее папеньки.

Король и Людвиг одновременно присвистнули и переглянулись.

– Герман, а ты уверен, что она не шпионка?

– Не думаю, что кто-то мог рассчитать ее появление так, чтобы совместить неизвестный науке портал и твою подростковую дурь, так что если она и шпионка – то не из нашего мира. А значит, твоя задача...

– Сделать ее нашей. Душой и телом, – закончил за Германом король. – Государственные интересы требуют. И учти, если ты не справишься сам, этим займется... да я сам займусь! Таких людей надо держать близко и еще ближе! Под личным контролем.

Кузен расплылся в масляной ухмылке, а Людвиг под столом сжал кулаки и порадовался, что на королевские приемы

полагается являться в перчатках. Пока спасают. Но если кузен продолжит в том же духе...

– Людвиг! – окликнул его Герман. – Держи себя в руках. А вы, ваше величество...

– Наше величество не имеет права потерять столь ценный ресурс! – жестко оборвал его король. – Твои юношеские порывы, кузен, на этот раз принесли нам пользу. Так сумей эту пользу удержать и преумножить! Изволь влюбить в себя фрау Рину, чтобы она и думать не могла о том, чтобы сдать иномирские секреты кому-то другому! Хватит строить рожу, от которой все дамы шарахаются в ужасе. Тоже мне, Кошмар Пустошей! А не умеешь сам, братец, не лезь поперек профессионалов.

– Я понял, ваше величество. Не беспокойтесь, фрау Рина поделится секретами генетики только с нами и ни с кем больше.

– И пусть родит тебе наследника, дети привязывают женщин даже лучше, чем любовь.

– Слушаюсь, ваше величество, – Людвиг склонил голову и постарался дышать как можно медленнее и ровнее.

Кузен прав, Баргот его любит.

Еще несколько минут они с Германом и кузеном обсуждали новости из Франкии: император почти не показывается на люди, а три лидера оппозиционных фракций, читай, смутьяны и претенденты на трон, раздают щедрые обещания

всем, кто готов их поддержать.

– Выясни, что с императором, Герман. Если мерзкий старикашка упустит трон из-под задницы, половина континента опять погрязнет в войне. Даже если нас заденет краем...

Кузен поморщился, а Людвиг с Германом синхронно вздохнули. Армия Астурии слишком мала, чтобы противостоять дорогим соседям, а с показательного ужаса, устроенного первым герцогом Бастельеро, прошло уже почти два века. Слишком много, безмозглые соседки вполне могут рискнуть. У людей короткая память, и Пустоши многим кажутся естественной аномалией, а не последствием катастрофы.

– Вы считаете, стоит оказать поддержку императорской семье?

– Стоит, – кивнул король. – Отличный повод выторговать серебряные рудники, которые около Пустоши. Франки все равно не могут вести там добычу.

– Выторгуем, ваше величество. Кронпринц в Новом Свете, и по нашим данным он не успеет к началу мятежа. Так что если император не упрется рогом... впрочем, даже если упрется. Д'Амарьяк разумный человек и не жаждет кончить жизнь на плахе, что с ним непременно случится, кто бы из заговорщиков не победил.

– Действуйте, господа.

– Слушаюсь, ваше величество, – Герман встал и коротко поклонился.

Людвиг поклонился молча, про себя поминая Баргота: кто-то сдурил, спустив подозрительного типа с лестницы. Вдруг с ним хотели поговорить не заговорщики, а опять соседская контора? Барон де Флер сегодня заявился на утренний прием, правда, без официального письма. Но кто ж знал-то, что с сегодняшнего дня дружба с де Флером это не измена, а одобренная королем помощь дорогому соседу!

Баргот дери эту политику, переменчивую, как осенняя погода!

Ладно, разберемся. А пока надо забрать отсюда супругу. И обаять.

Трижды дери ее Баргот, эту политику! Вот как он умудрился так влипнуть, что вместо кроткой сиротки ему досталась в жены наглая аристократка, да еще под завязку полная государственными тайнами?!

Вот будет смеяться призрак четыре раза «пра» дедушки! Внук начинает оправдывать семейный девиз: «Лучше смерть, чем скука».

Когда король, а следом за ним Людвиг и Герман вышли обратно в зал, Людвиг едва не засмеялся сам. Дорогая родня в лице матушки и пигалиц вовсю следовала семейному девизу. Четыре гарпии окружили достояние короны, то есть юную герцогиню Бастельеро, и шипели на нее в четыре голоса, а юная герцогиня отбрехивалась, с трудом удерживая лицо. Бедняжка. Продержаться против матушки и пигалиц три минуты – уже подвиг, а фрау Рина была тут одна... Глянув

на хронометр, Людвиг проникся к фрау искренним уважением. Беседа с кузеном заняла почти полчаса, и за эти полчаса фрау все еще не съели!

Вежливо раскланявшись с бароном де Флером и отмахнувшись от мерзкого старикашки Тоттеншмидта, который явно жаждал поделиться возмущением в адрес семейства Бастельеро в целом и фрау Рины в частности, Людвиг строевым шагом направился к жене. Любопытные придворные, обступившие семейную сцену, шарахнулись в стороны, даже пигалицы явственно вздрогнули, одна матушка чихать хотела на разозленного донельзя сына. Или слишком увлеклась, объясняя невестке, какое та ничтожество и как должна быть благодарна, что ее взяли в семью, и каким образом искупить свою вину. Ведь из-за нее расстроился такой великолепный союз!

Фрау Рина тоже не замечала Людвига, сосредоточенная на том, чтобы удержать улыбку и не упасть в обморок от нервного истощения. Судя по восковой бледности и быстрому неглубокому дыханию, до обморока ей оставались секунды.

– Дорогая, – окликнул ее Людвиг и тут же предложил ей руку, опереться. – Матушка, сестры. Рад, что вы уже познакомились с моей прелестной супругой. Прошу прощения, но нам пора.

Фрау Рина заторможенно обернулась к нему, попыталась улыбнуться... Людвиг едва успел поймать ее за талию и прижать к себе. Придворные клуши тут же закудахтали: ах, как

неприлично! Эта выскочка позволяет себе невесть что!

Людвиг хмуро зыркнул на них, не успев даже мысленно произнести ругательство, и кудахтанье тут же оборвалось. Зато послышался взвизг, а за ним второй, и тут же что-то упало – или кто-то, Людвигу было все равно, кого и как он проклял. Сами виноваты.

– Людвиг, что ты делаешь? Не смей! – тонко и придушенно воскликнула матушка, мгновенно растеряв весь гонор.

Сестрицы же отступили и попытались стать незаметными, старшая прикрылась веером, младшие покраснели и опустили глаза.

– Поговорим дома, матушка, – бросил Людвиг и, не обращая больше внимания на перепуганную насмерть толпу придворных, повел едва стоящую на ногах супругу прочь.

Баргот любви дорогую матушку, надо же было так довести Рину! У девушки ни капли дара, вообще ни капли! А он, кретин безмозглый, оставил ее одну и не дал ей хотя бы завалящего защитного амулета!

Позади тем временем послышался холодный голос короля:

– Мы недовольны, фрау Бастельеро-Хаас.

– Простите, ваше величество, мой сын не подумал...

– Это вы не подумали. Только ради нашего дорогого брата Людвига мы не велим вам немедленно покинуть столицу.

Кажется, матушка впервые в жизни упала в обморок по-настоящему, – отстраненно подумал Людвиг, покидая зал и

подзывая ближайшего лакея:

– Медика и горячего шоколада, быстро.

Лакей унесся, а Людвиг подхватил Рину на руки. Она удивленно вздохнула и обвила его шею рукой. Холодной и слабой. Барготовы подштанники, какой же он кретин!

– Все будет хорошо, фрау, – шепнул он и отнес ее к диванчику в оконной нише.

– Спасибо, – она даже попыталась улыбнуться, когда он усаживал ее на диванчик.

– Не стоит благодарности. – Людвиг сел рядом, не отпуская ее руки: целительского дара в нем не было ни на грош, но так он хотя бы чувствовал ее состояние. Насколько она близка к смерти, если быть точнее. И пока, слава всем богам, умирать она не собиралась. – Я виноват, фрау. Нельзя было оставлять вас одну. Я сегодня же закажу для вас защитные амулеты, и больше никто...

Людвиг осекся. Не мог он вслух сказать: вас не проклянет. Все же матушка. Которая не подумала, а может быть и наоборот – очень даже подумала и рискнула. Пусть в ней от семейного дара Бастельеро сушая кроха, но чтобы проклясть беззащитную иностранку, вполне достаточно. А для иномирянки ее проклятие могло бы стать смертельным.

М-да. Не повезло матушке, король разозлился всерьез. И поделом. Матушка совсем заигралась в свой погорелый театр!

Буквально через полминуты прибежал лейб-медик. По-

щупал фрау Рине пульс, заглянул в глаза и покачал головой:

– Переутомление, нервное истощение. Ваша, э...

– Супруга, герр Мессер.

– Ваша супруга нуждается в покое, свежем воздухе, укрепляющих средствах и наблюдении врача... о, шоколад! То, что сейчас нужно. Пока вы не обеспечите герцогиню защитой, ей не стоит появляться в свете. Проклятие...

Лейб-медика прервал звук открывшейся двери и топот каблучков. Четырех пар.

Мимо проществовали маменька в сопровождении пига-лиц. Оскорбленные в лучших чувствах, но не сломленные – если верить гордо задранным носам и презрительному не-смотрению на Людвига.

Ничто не меняется под звездами.

– Не подействовало, – кивнул Людвиг лейб-медику. Ма-тушку и сестер он тоже проигнорировал, а Рине и вовсе бы-ло не до них.

– Ваша светлость видит сам, атипичная реакция.

– Вижу. Прошу вас, сегодня вечером навестите фрау в на-шем городском доме.

– Разумеется, ваша светлость.

Лейб-медик откланялся, и Людвиг легко сжал руку блед-ной Рины.

– Герр Мессер прекрасный доктор и сильный светлый маг. Ему можно доверять. А пока выпейте шоколад.

– Надо поднять уровень глюкозы в крови? – спросила она,

отпив из чашки. – Не думала, что глюкоза помогает от проклятий.

Людвиг невольно улыбнулся. Вот что значит девушка из другого мира и другой культуры: вместо того, чтобы жаловаться и требовать защитить ее, интересуется физиологией магии. Действительно, дочь ученого. Пожалуй, это намного интереснее, чем кроткая и смиренная сиротинушка. Может быть даже удобнее, она точно не склонна визжать и падать в обморок от всякой ерунды.

– Проклятие на вас не подействовало, но вы потеряли очень много энергии. Обычно это работает иначе.

– Только не надо меня препарировать во благо науки, пожалуйста.

– Не буду, и герру Мессеру не позволю. Обещаю.

– Я вам верю, Людвиг, – на этот раз ее улыбка была куда живее. – У вас тоже непростые отношения с учеными мужами, не так ли? – она легонько провела пальцем в перчатке по его щеке.

Людвиг не сразу понял, о чем это она. И только услышав тихий шелест чешуи, удивился: она настолько уравновешенна? Или настолько дочь ученого?

– Вы не боитесь, фрау Рина.

– Я слишком устала бояться и удивляться. К тому же, не вижу смысла падать в обморок. Вы представили меня королю, а значит, вряд ли собираетесь сегодня же ночью принести в жертву Ктулху. Ну, я на это надеюсь.

– Ктулху?..

– Это такое страшное зубастое божество, – слабо улыбнулась супруга. – Выдуманное. Я читала про него в детстве, и потом мне долго снились кошмары. Теперь вот...

– Кузен прав, мне досталось сокровище. – Людвиг поцеловал ей руку и поймал себя на том, что, во-первых, у них неожиданного много общего, а во-вторых, насчет сокровища он не соврал. – Если вам лучше, то не стоит тут задерживаться.

Рина едва заметно передернула плечами и согласилась, что задерживаться не стоит.

Дворец они покинули без приключений, если не считать перепуганных чешуйчатым герцогом лакеев и слегка заикающегося шофера, подавшего мобиль к подъезду. Людвиг в утешение дал ему золотой.

– Это от нервов, да? – во взгляде фрау Рины было любопытство и немножко сочувствия. – Тоже атипичная реакция?

Как ни странно, Людвигу это не разозлило, а наоборот, успокоило. Хотя обычно от сочувственных ахов ему хотелось убивать.

– Именно. Особенности родового проклятия. Не беспокойтесь, это не заразно.

Фрау лишь пожала плечами, снова укутанными в мех, и собралась сесть в мобиль. И вдруг засмеялась.

– Вот собака! Вы посмотрите, Людвиг! – она подняла обе-

ими руками сонное животное. Кош-ка. Точно, оно называется кошка. – Она так и спала на моем месте!

– Мудрое животное, – улыбнулся Людвиг. Кошка определенно ему нравилась.

Глава 6, о тяжелой шпионской доле

Виен. Посольство Франкии. Час спустя

Антуан де Флер

– ...план полетел во Тьму Изначальную. Некромант женился на никому не известной русской, – доложил барон де Флер и очень осторожно отодвинул от уха трубку стационарного фониля, будто остерегался, что из нее на гладко выбритую щеку попадут брызги слюны.

– ...ты понимаешь, что твоя голова через три дня окажется на плахе? Его величество умирает! Три дня, не больше, де Флер!

Барон тяжело сглотнул и зажмурился: даже по фонилю Д'Амарьяк внушал безотчетный ужас, а уж когда он злился – у подчиненных горели защитные артефакты и случались нервные срывы, а то и инфаркты.

– Прекрати дрожать, каналья, и слушай меня. Герцогу Ланжерскому не удалось договориться с некромантом, хоть в чем-то нам повезло. Но заговорщики собираются его ликвидировать, и как ты будешь изворачиваться и предотвращать покушение, меня не волнует. Ты меня понял?

– Так точно, генерал.

– У тебя сутки, максимум двое, чтобы доставить некрманта в загородную резиденцию нашего венценосного ма-

разматика. Обещай что угодно, но договорись! Иначе я лично уложу тебя в могилу рядом с его величеством, и будешь вечность охранять его покой!

Фониль замолчал. Барон Флер медленно, как опасный артефакт, положил трубку на место, и так же медленно отошел от стола. Руки предательски дрожали. Темный маг – это вам не бантик на ботфортах ловеласа.

Антуан де Флер подошел к окну и невидяще уставился на статую императора, установленную на розовой клумбе посреди подъездной аллеи. Вместо спины плечистого героя, за пять десятков лет ношения императорской короны превратившегося в маразматического старикашку, он видел изящный силуэт и платиновые локоны проклятой русской девицы. Откуда она взялась? Как Бастельеро умудрился привезти себе невесту так, что ни один из десятка следящих за ним агентов ничего не заметил? Да и Тори клялась и божилась, что некромант не спит ни с кем, кроме нее.

Но юная герцогиня – попорченный плод, а значит, Тори ошиблась. Не мог же некромант взять чьи-то объедки! Пусть даже кузена-короля. К тому же, во дворце она раньше не появлялась. Значит – попортил девицу сам. Когда только успел.

Проклятье! Кто она? Если в самом деле дочь русского генетика, то астурийская Оранжерея переиграла франкский Цветник с разгромным счетом. Но ни разу не подводившее чутье подсказывало Антуану, что с фрау Бастельеро все очень, очень непросто...

Так, надо подумать еще раз...

Барон де Флер остановился, наткнувшись на стол. Надо же, сам не заметил, как начал расхаживать туда-сюда.

— Шоколад, — велел он, нажав кнопку переговорного устройства.

Маленькая, крохотная слабость Черного Лиса. Хотя кавалер Д'Амарьяк и рекомендовал от нее избавиться, но отказываться от всех удовольствий этой жизни барон не спешил. К тому же, с чашечкой шоколада ему лучше думалось.

Вот и на этот раз, смакуя сладкий напиток, сдобренный корицей и капелькой сливочного ликера, барон придумал неплохой план.

Один из пунктов — познакомиться с фрау Бастельеро лично, поздравить (или посочувствовать, по обстоятельствам), а там, глядишь, и получится побеседовать с самим некромантом.

Но это чуть позже, а пока следует использовать еще одну прекрасную даму.

Барон цокнул языком, вспоминая весьма приятные обстоятельства их знакомства в школе при Ордене. Ах, как Тори была хороша в шестнадцать! А сейчас — еще лучше. И не только в постели.

Впрочем, кроме прекрасных дам, у барона де Флера в рукаве был еще один козырь. Очень, очень сильный козырь, по сравнению с которым меркнули даже самые очаровательные дамы.

Через час в дверь дома по Айзенштрассе позвонил посыльный из шляпного магазина.

Занавеска в окне на втором этаже колыхнулась, внутри дома простучали каблучки – но дверь не открылась.

Посыльный снова позвонил. Три раза.

В доме что-то упало и со звоном разбилось, но дверь так и осталась запертой.

Антуан де Флер выругался под нос, перехватил шляпную картонку подмышку и, оглядевшись – не торчат ли в соседских окнах кумушки? Даже если торчат, демоны с ними! – активировал артефакт «дымовая завеса», на полминуты отводящий глаза всем немагам в радиусе сотни метров, и взялся за отмычки. Две секунды – отпереть дверь, отбросить ненужную коробку и оценить царящий повсюду беспорядок. Еще три секунды – взбежать на второй этаж, откуда раздался грохот и звон, и полсекунды – окинуть взглядом разбросанные повсюду вещи, осколки вазы и раскрытый чемодан на полу, и хозяйку всего этого безобразия с ворохом платьев в охапке...

Барон медленно выдохнул, про себя досчитал до десяти, спрятал револьвер обратно в кобуру.

– Какого демона ты не открываешь?

– Откуда я знала, что это ты? – фыркнула опомнившаяся Тори и сбросила всю охапку в чемодан.

Подойдя поближе, барон пнул бок чемодана и критически

оглядел разбросанные вокруг вещи.

– Не влезет.

– Сама вижу, – огрызнулась Тори, но все равно попыталась закрыть крышку чемодана.

Безуспешно.

– И куда же ты собралась, моя прелесть?

– К бабушке в деревню, – фыркнула Тори. – Не задавай глупых вопросов, Антуан. Я не собираюсь оставаться здесь и ждать, когда меня убьют вместе с этим твоим монстром!

– Поэтому ты нанесла упреждающий удар... – Антуан принялся и покачал головой. – А я думаю, почему дворецкий не открыл мне дверь? А вы, мадемуазель, его уволили. Радикально. Но платяной шкаф – не лучшее место, чтобы прятать труп.

Тори пожала хрупкими плечами:

– Под кровать он бы не влез. Разожрался на твоих подачках. Только не говори, что тебе его жаль.

– Чушь. Не переводи тему. Какого демона ты пытаешься сбежать, не завершив операцию и не поставив меня в известность? Прекрасно же знаешь, шеф не любит таких финтов. Он тебя и в Новом Свете достанет.

– Прекрати меня пугать! – Тори отчаянно сверкнула глазами и отступила к окну, словно бы там было что-то, способное ее защитить...

Не додумав мысль, барон в два длинных прыжка достиг окна, сунул руку под подоконник – и достал оттуда тонкий

стилет.

Тони поникла, выругалась под нос и кулем осела на пол, обняла колени руками и уткнулась в них лицом.

Осмотрев стилет и понюхав маслянистые пятна яда на лезвии, барон покачал головой, сунул стилет обратно под окно и достал из-за пазухи плоскую флажку. Вложил ее в руки Тори.

– Пей и рассказывай, в честь какого праздника ты поменялась мозгами с курицей.

– Сам ты... – буркнула Тори и булькнула фляжкой. Закашлялась. Снова булькнула. И только потом подняла голову и взглянула Антуану в глаза. Обреченно. – Они собираются убить Людвига. Обещали, когда я им помогу, вывезти меня обратно во Франкию, наградить... чуть ли не орден посулили, сучьи дети.

– Сучьи дети, – согласился Антуан и сел с ней рядом, обнял за плечи.

– Велели выманить его сюда. Не позднее послезавтра. А если я их предам, то скормят меня диким русалкам. – Допив бренди из фляжки, Тори отдала пустую Антуану и задрала юбку. – Вот что они на меня нацепили, сказали, если попытаюсь снять сама, оно взорвется и оторвет мне ногу. Эй, не трогай!

Антуан отдернул руку от тонкой металлической змейки, обвившей щиколотку Тори поверх шелкового чулка.

– У меня есть знакомая нелегальная колдунья... она бы

сняла, наверное... – неуверенно шепнула она и тихо попросила: – Сделай что-нибудь, пожалуйста.

– Ладно. Только не дергайся. Ничего тебе эта дрянь не оторвет, обыкновенная следилка.

Закрыв глаза, Антуан нащупал магический замок, вскрыл его – чем-то вроде воображаемой отмычки, как это называется по-научному, ему было глубоко начхать – и снял браслет с тонкой женской ножки.

Ему наградой послужил облегченный вздох и легкий поцелуй в щеку.

– Пойдем отсюда, а? У тебя в посольстве наверняка найдется...

– Нет. – Он поймал шаловливую ручку, скользнувшую вниз по его животу. – Мы не можем просто взять и сбежать, Тори. То есть можем, но бежать придется слишком далеко. Так что придется довести дело до конца.

– И что же мы должны довести до конца? – теперь к ремню его штанов подбиралась вторая ловкая рука.

– Дело, моя прелесть. Нам нужен Бастельеро, и я знаю, как мы его добудем. Ты ему...

Горячие пальцы закрыли Антуану рот, я прямо перед его глазами оказались темные, глубокие, манящие, словно ночное море, глаза.

– Отличный план, но мы обсудим его чуть позже, – с улыбкой шепнула Тори, и вместо пальцев его губ коснулись губы.

«Ладно, позже», – подумал Антуан, поднимая Тори с по-

ла и наощупь отыскивая кровать. Не мог же он, истинный франк, не утешить испуганную женщину! Тем более, такую, о... такую женщину!...

Виен, Астурия, часом раньше
Рина

В голове у Ринки было пусто и звонко. Настолько пусто, что она даже не смогла испугаться, когда на лице некроманта стали появляться чешуйки. Черные. Матовые. Объективно очень страшные.

Вот некромантская матушка – та испугалась. И сестры. И придворные.

Поделом им, пираньям! Правильно Людвиг их... проклял?

Тут тоже надо было испугаться. Проклятия летают только так, некромантская матушка ее чуть не убила на глазах у полусотни любопытствующих аристократов, сам некромант черт знает что сотворил черт знает с кем, и все это – одним только злобным взглядом... А ей все равно. Трын-трава.

Наверное, это последствия. Атипичная реакция, как сказал милейший толстый дядечка-доктор.

Атипичная реакция продолжалась, пока Ринка не вышла на воздух. Она что-то говорила, возможно – чушь. Что-то делала. Кажется, погладила некроманта прямо по чешуйкам,

из чистого научного любопытства. А может быть потому, что он был очень милый, этот некромант, даром что страшный. Он заступился за нее перед матушкой... и король, кажется, тоже. Странно. Непривычно. По папа, когда к мамаша Влада закатила ей скандал, так не заступался – потому что он интеллигентный и воспитанный человек, настоящий ученый... а Людвиг – аристократ, тоже воспитанный человек, но он заступился и у него чешуйки... Надо подумать, почему...

Но вместо того, чтобы думать о «почему», она не думала вообще. Взяла на руки кошку по имени Собака, обняла и принялась чесать. А та – мурлыкать. Под ее мурлыканье Ринка почти уснула с открытыми глазами, очнулась, лишь когда мобиль резко остановился.

– Мы уже дома?..

И только спросив, увидела причину остановки: впереди, по перпендикулярной улице, шли люди в черном, с печальными лицами и ветками в руках. Катафалк уже скрылся за углом. Зато музыка все еще слышалась, что-то ужасно торжественное и печальное. И ужасно фальшивое.

Ринка сморщилась и виновато покосилась на некроманта, все же стыдно – у людей горе, а ей музыка уши режет. И с удивлением поняла, что не ей одной. У Людвига была такая страдальческая мина, словно ему бормашину показали.

Посочувствовать, что ли...

Но она не успела. Дверь цветочного магазина, поблизости от которого они остановились, распахнулась, и оттуда выле-

тел... вылетела... судя по вороху коричневых юбок и отчаянно рыжим косам, девушка. С характером девушка, потому что она тут же вскочила и с воплем: «Га-анс! Ты же обещал!..» – бросилась обратно. Ей дорогу преградила белобрысая полная фрау в «богатом» цветастом платье, а за ее спиной маячил откормленный парень с бегающими глазками.

– Пошла вон! – фрау уперла руки в боки. – Мой сын ничего тебе не обещал! Убирайся, пока цела!

Рыжая остановилась, неверяще посмотрела на трусоватого блондинчика.

– Ганс, но как же... мы же...

– Заткнись, тварь! – фрау шагнула к ней с видом немецкого танка, идущего на штурм Сталинграда, а парень стушевался и опустил глаза. – Постыдилась бы орать о своем позоре на весь квартал! И не смей тут появляться...

– Но я... но вы... отдайте хотя бы мое жалованье! Ганс!..

– Ах ты!.. – фрау покраснела от возмущения, набрала в грудь воздуха и заорала: – Ах ты, воровка! Шлюха! Полиция!..

Размахнувшись, фрау отвесила рыжей девице оплеуху – такую, что бедняжка покачнулась и упала прямо на чисто выметенный тротуар.

Вот тут Ринку переклинило. Для нее перестало иметь значение все – и траурная процессия, и собственное воспитание, и что подумает княгиня Марья Алексеевна.

Фрау орала что-то еще, но Ринка уже толком не слышала.

У нее перед глазами стояла Влдова мамаша, вот так же высказывающая ей, Ринке – где место девицам, не умеющим держать ноги сдвинутыми...

– Людвиг, открой мне, – проскрипела она: показалось, что она снова не может говорить, не может даже звука издать.

– Рина, не вмешивайтесь.

Бесполезно, поняла она. Перед матушкой за жену он заступился, а до девчонки-простолюдинки ему дела нет. Ни-кому нет. Вон, прячтся из окон, как в цирке. Ненавижу!

Она дернула дверь мобиля, толкнула – тоже без толку. Тогда, подобрав юбки, она вскочила на сиденье и выпрыгнула из мобиля прямо поверх дверцы.

Фрау заткнулась, все любопытные лица повернулись к Ринке, даже трусливый парень забыл, что он трусливый, и смотрел не нее, открыв рот. Но Ринка на все это не обращала внимания, как и на собственного супруга. Она подлетела к опешившей фрау и загородила собой рыжую девчонку.

– Вы! Не смейте ее трогать! А вы... – она ткнула пальцем в трусливого парня, сейчас безумно похожего на Влада, – тряпка, а не мужчина. Это вас надо в полицию! Как вы можете!..

Она осеклась, потому что ей на плечо легла тяжелая некромантская рука. Или потому что голос вдруг пропал, прямо как тогда, два года назад...

– Дорогая, не волнуйтесь так. Это всего лишь тупые простолюдины без чести и совести, – холодный голос герцога Ба-

стельеро тек, как сок анчара. – Вы расстроили мою супругу.

Блондинистая фрау больше не была красной, нет. Теперь она была серой, и ее сыночек – тоже. Но фрау не готова была так просто сдаться, когда речь шла о защите цыпленка. Дрожая и заикаясь, она закрыла его собой.

– Прошу прощения, ваша светлость, но это всего лишь падшая девка, она недостойна...

– Не вам решать, кто и чего достоин, – голос некроманта стал еще морознее, а лицо фрау – еще серее. – Дорогая, не думаешь ли ты, что этих дерзких простолюдинов следует превратить в крыс? Или, может быть, в клопов?

Ринка зависла. Что это с господином герцогом, полковником и некромантом? Он же не хотел... он же... он же должен вести себя совсем иначе! Почему он вдруг встал на ее сторону? И он что, в самом деле может превратить человека в крысу?! Как?! Вот бы на это посмотреть!..

Так. Стоп. Не увлекайтесь, Рина Николаевна. Это же люди, хоть и твари.

– Не достойны, – Ринка тоже задрала нос. – А эту девушку... – Ринка обернулась к рыжей, так и сидевшей на тротуаре и растерянно хлопающей глазами. – Как твое имя?

– Ма... Магда, ваше сиятельство.

– Магду я забираю с собой.

Некромант рядом напрягся, но виду не показал.

– Дорогая, зачем тебе эта оборванка? Дай ей денег, с приданым ее с радостью возьмет замуж какой-нибудь бюргер.

– Я... мне... – в словах супруга был смысл, но все равно это было неправильно. Как будто она поманила девчонку защитой, и тут же от нее отказалась. Откупилась. Нет, так нельзя! Надо... да, точно! – Мне нужна служанка. Я возьму... то есть...

– Но она же падшая девка!.. – придушенно вякнула фрау, а ее сыночек согласно закивал.

– Пожалуй, все же в крыс, – задумчиво пробормотал Людвиг.

– Лучше пристрелить, а то еще кого-нибудь покусает.

– Ваша светлость!.. – фрау, побледнев еще сильнее, бухнулась на колени и дернула за рукав сыночка, чтобы тоже пал и молил. – Пощадите, ваша светлость!

– Пощадите... – прогундосил парень.

И тут рыжая девчонка прыснула. Тихо, в кулачок.

А Ринка – следом за ней.

Ведь это же мультик, как есть мультик! Сейчас злобный колдун дернет себя за бороду, скажет «трах-тибидох-тух-тух», и вытащит из рукава золотой дворец... Великий Ктулху, как же это смешно!..

– Прочь, – прошелестело рядом что-то очень, очень холодное.

И этим холодным сдуло и фрау с сыночком, и любопытные морды из окон, и даже прибежавшего на шум полицейского. На пустой улице остались только Ринка, которую внезапно отпустила истерика, Людвиг и съездившаяся, словно от

мороза, рыжая Магда.

Она с такой надеждой смотрела на Ринку, что та решилась:

– Магда, если ты не боишься, поехали. Будешь моей камеристкой.

Рыжая закивала и замотала головой одновременно – и так радостно, словно всю жизнь мечтала пойти в услужение к страшному-страшному колдуну. Ну или к его милой, доброй, умной... ну да, кто ж еще ее похвалит-то? К жене колдуна, в общем.

От резкого смеха Людвиг Ринка вздрогнула. А смех так же резко оборвался.

– В мобиль, – скомандовал он, и все четыре дверцы распахнулись, едва не отвалившись.

Рыжая, мелко кивая, скользнула на заднее сиденье и там постаралась слиться с обивкой. А Ринка, неожиданно для самой себя, поднялась на цыпочки и поцеловала страшного-страшного колдуна в щеку, покрытую чешуйчатым рисунком. Теплую, пахнущую горьковатым парфюмом, человеческую щеку.

– Спасибо, Людвиг.

Вместо ответа некромант криво усмехнулся и подтолкнул ее к мобиле. Правда, Ринке показалось, что он удивлен ничуть не меньше ее самой.

Глава 7, о черном-черном замке и белых-белых розах

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

Людвига разбирал смех. Совершенно неподобающий герцогу, полковнику и некроманту детский, жизнерадостный смех. Его супруга... Барготовы подштанники, да какая из нее шпионка? Это же надо, подобрать на улице нищую цветочницу и взять в услужение! Хорошо хоть порченная девица оказалась не беременной. По крайней мере Людвиг надеялся, что она не беременна. В отличие от целителей, он мог видеть ауру младенца не сразу, а лишь через месяц-полтора после зачатия.

Интересно, если рыжая дурочка принесет в подоле, герцогиня все равно оставит ее при себе?

Покосившись на притихшую и растерянную жену, он сам себе ответил: да, оставит. Упрямства ей не занимать. Импульсивности и дури – тоже. Вот именно поэтому она и не может быть шпионкой.

Он снова искоса глянул на жену, потерянно обнимающая кошку по имени Собака. Рина все еще была бледна, под глазами залегли тени, губы пересохли...

Некстати вспомнилось, как эти сухие губы коснулись его щеки, и как стало тепло, почти горячо где-то внутри.

Глупости. Всего лишь поцелуй благодарности. Нежданный, ненужный и... Баргот подери, он тоже устал! Жениться на иномирянке, несостоявшейся шпионке и чуть не проклясть собственную матушку – это вам не шуточки. Сейчас бы домой, принять горячую ванну и съесть отбивную с хрустящей корочкой, под нежным сливочным соусом...

Почему-то прекрасная картина полной тарелки вдруг сменилась видом декольте собственной жены. Демонски аппетитным декольте.

Проклятье! Он только вчера был у Тори, и ему хватило... должно было хватить минимум до послезавтра! У него нормальный темперамент, не то что у папеньки, трахавшего все, что шевелится!

Видимо, виноват стресс. Надо отвезти жену домой и срочно, немедленно ехать на службу. Все лишние мысли как рукой снимет, стоит только спуститься в прозекторскую.

Поймав себя на том, что снова косит глазом на жену, Людвиг выругался под нос и прибавил скорость. Он обожал быструю езду, ветер изгонял из головы все лишнее, оставляя божественно прекрасную ясность.

Вот и на этот раз он разогнал свой «Драккар» (Рина была права, сделанный по спецзаказу, с усиленным движком и двойным аккумуляторным кристаллом) так, что дома и деревья слились в одну цветную полосу, а все встречные и по-

перечные шарахались в стороны и посылали в проклятого некроманта новые проклятия.

Ха-ха три раза. Вот уж что, а новые проклятия к нему не липнут. Одного хватило.

К дому, оставшемуся от дядюшки, Людвиг подъехал уже совершенно спокойным. Посигналил перед воротами – тяжелыми, коваными, с герцогскими гербами в виде перекрещенных серпов. Дождался, пока старый Рихард, тоже доставшийся в наследство от дядюшки, отворит и посторонится. Остановил мобиль перед крыльцом. И внезапно задумался: а каким видит его дом фрау Рина? И не только его дом, а весь привычный Людвигу город? Ведь он так и не расспросил ее о другом мире, слишком торопился исполнить свой гениальный план.

Нет, не годится герцог Людвиг Бастельеро в шпионы! Импульсивен, упрям и...

«Детство в заднице играет», – прозвучал, как наяву, голос Германа.

Людвиг фыркнул и улыбнулся.

Ну, играет! Нельзя же всегда быть серьезным, как похоронная контора!

– Добро пожаловать домой, герцогиня, – он с улыбкой обернулся к супруге.

Та во все глаза смотрела на дом, и было в ее глазах удивление пополам с... удивлением.

– Неожиданный дизайн, – пробормотала она, прилипнув

взглядом к статуям, подпирающим балкон.

Обычные статуи. Белый мрамор, обнаженная натура. И окна самые обычные – высокие, от пола до потолка, чтобы пропускать как можно больше света. И терраса, увитая алым диким виноградом, мало чем отличается от всех прочих подобных террас. Может быть, в их мире какая-то другая архитектура? Или ее смущают белые розы, украшающие крыльцо и дверь? Сказать по чести, Людвигу они тоже не нравились. Слишком напоминает дамские романчики, зачитанные сестрами до дыр. И вообще, розы – дело рук Рихарда. Просто он понял приказ «подготовить дом к приезду новобрачной» буквально.

– А чего вы ожидали, Рина? Мне интересно.

– Ну... горгулий, готических башен, мрачного базальта... но не белый же мрамор и средиземноморский стиль! И эти розы... У вас... у вас климат не подходящий! И вообще, замок некроманта... – фрау была искренне возмущена и немножко смущена.

А Людвиг рассмеялся, откинувшись на спинку водительского сидения.

– Вы... над чем вы смеетесь?

– Простите, Рина, вы... – Людвиг попытался перестать смеяться, но у него получилось скверно. – Вы... прямо как я в детстве! Мрачный... замок страшного... некроманта! Ы-ы...

О да. В десять лет, когда на него свалилось проклятое на-

следство, он явился сюда с поверенным и ожидал увидеть все что угодно, но только не воплощение света и солнца. Бело-снежные стены, летящие контуры, цветочные беседки и фонтанчики, обнаженные красавицы в древнероманском стиле – совсем не то, что ему представлялось, когда слуги шепотом судачили об ужасном матушкином брате. С которым, кстати, матушка принципиально не общалась и маленького Людвига не знакомила. Мало того, он и узнал-то о существовании дяди-некроманта лет в семь из сплетен тех же самых слуг, а когда спросил матушку – нарвался на скандал с истерикой.

– Ничего смешного! – супруга, кажется, обиделась. – Меня так пугали, а тут...

– Кто вас пугал и чем? – Людвиг с облегчением переключился на более приятную тему.

– Эти... – Рина неопределенно повела рукой. – Дамы. Амалия, матушка ваша... и змеюки в салоне. У вас та еще репутация.

– Отличная репутация, – хмыкнул Людвиг. – Боятся, сплетничают и не суются близко. Лучше не бывает!

Супруга глянула на него с искренним интересом.

– То есть ваше проклятие?..

– Существует на самом деле. Я вам все расскажу, обещаю. Но давайте же сначала зайдём в дом!

Рина смущенно потупилась.

– Простите, я немного увлеклась.

Вместо ответа Людвиг пожал плечами, сам не понимая –

злится он или умиляется детской непосредственности этой странной девушки.

– Добро пожаловать домой, ваша светлость, – проскрипел дворецкий, открывая дверь мобиля перед Риной. – Мы счастливы приветствовать новую хозяйку.

Та молча кивнула и дождалась, пока Людвиг обойдет мобиль и подаст ей руку.

– Добро пожаловать на виллу «Альбатрос», дорогая супруга. Позвольте вам представить... – Людвиг оглядел шеренгу слуг, вырядившихся в парадное платье и выстроившихся перед дверью. Не густо, а для герцогского дома и вовсе жидковато. Но ему достаточно. Балов он не закатывает, гостей не зовет, и вообще не понимает, зачем содержать армию дармоедов и соглядатаев. – Герр Рихард, дворецкий. Несколько старомоден, зато прекрасно вышколен и безусловно верен.

Дворецкий склонился, пряча скрипучий смешок, а Людвиг слегка поморщился: пора обновлять заклинания, а то Рихард начнет путаться в днях недели и забывать имя хозяина. Умертвия беспрекословно верны и послушны, идеально спокойны, трудолюбивы и неприхотливы, но все же время от времени требуют внимания.

А супруга, похоже, не поняла, с чем имеет дело. Наверное, списала бледность Рихарда и специфический запах на плохое здоровье. Что ж, разберется постепенно. И дай Баргот, не станет обвешиваться святыми знаками и брызгать на

Рихарда серебряной водой в надежде, что страшная-страшная нежить рассыплется прахом. Рихард не любит сырости, в него от сырости кожа портится. Несовершенная, устаревшая конструкция! Когда Людвиг будет превращать в умертвие своего адъютанта, обязательно внесет некоторые изменения.

– Герр Мюллер, – следующим Людвиг представил седого, подтянутого усача. Пока он стоял, его хромота не была заметна; в процессе преобразования Людвиг рассчитывал избавить его от этого недостатка. – Мой адъютант, он же камердинер.

Мюллер браво щелкнул каблуками и поклонился.

– А это фрау Шлиммахер, наш шеф-повар, – следующей сделала неуклюжий книксен полная румяная фрау, ростом едва уступающая Людвигу. Ее белоснежный крахмальный фартук вкусно захрустел, а запах вишневого штрюделя с маком усилился.

– Добро пожаловать, ваша светлость, – пробасила она, с живым любопытством разглядывая новую герцогиню и с неодобрением – смущенную рыжую приبلуду, мнущуюся за герцогскими спинами.

Остальных – трех лакеев, садовника, поварят и горничных – он представлять не стал, с этим справится Рихард несколько позже. После обеда. А вот последней в ряду девицы, грудастой блондинки пройдошистого вида, Людвиг раньше не видел.

– Рихард?

– Камеристка для ее светлости, как вы приказали. Лучшие рекомендации. – Дворецкий поманил девицу, и та, шагнув вперед, сделала книксен и стрельнула коровьими глазами в Людвига.

Ее светлость недовольно фыркнула. Что ж, Людвиг вполне ее понимал. Девица была вульгарна чуть более чем полностью, к тому же сногшибательно пахла дешевой цветочной водой.

– Благодарю, Рихард. Герцогиня уже выбрала себе камеристку.

– Как прикажете, ваша светлость, – снова поклонился дворецкий, а рядом с Людвигом тихонько вздохнули и благодарно сжали его локоть.

На сердце почему-то потеплело. Видимо, потому что дома был порядок, а с кухни кроме штруделя пахло жареным мясом. С перчиком и розмарином. Мечта!

Поручив супругу заботам Рихарда, успешно выполнявшего обязанности эконома, Людвиг поднялся к себе, переделся и через пять минут спустился ко второму завтраку, раз уж первый сегодня пришлось пропустить. Тревожить супругу он не стал, пусть отдохнет, и сразу после ягнячей отбивной велел подать письменные принадлежности.

«Дорогая Рина!

Служба требует моего присутствия.

Надеюсь, вам понравились ваши комнаты. На все ваши

вопросы касаясь домашнего распорядка ответят Рихард и фрау Шлиμμαхер. В вашем распоряжении весь дом и сад, единственно, прошу вас не входить в лабораторию, это может быть опасно. Оставляю вам оговоренную контрактом сумму месячного содержания.

Встретимся за ужином, в семь часов.

Ваш супруг, Людвиг».

Перечитав записку, Людвиг поморщился. Не дается ему эпистолярный жанр! Разве так оболяют женщин? Барготовы подштанники! Надо было хоть комплимент ей сказать... как там папенька плел своим пассиям? Зубки жемчуг, а губки – коралл? Тьфу. Какая пошлость!

Нет уж, лучше по делу, чем амурные записочки а-ля папенька. Оболять супругу он будет лично, сегодня же вечером.

– Рихард, отнесите записку ее светлости после того как я уеду. И распорядитесь приготовить романтический ужин, Баргот его... со свечами, шампанским и... да, придумайте для ее светлости подарок. Не такой, как эта камеристка, а чтобы ей понравилось. Что-нибудь блестящее, девушки обожают бриллианты. Вы меня поняли?

– Разумеется, ваша светлость, – дворецкий невозмутимо поклонился, но Людвигу на миг показалось, что в немертвых глазах промелькнул смех.

– Вот и отлично. Подавайте мобиль, меня подследственный заждался.

Виен, Астурия. Кроненишутц
Людвиг

– Бастельеро!

Герман Энн стремительно ворвался в прозекторскую, и Людвиг недовольно поморщился. Герман все делал стремительно. И сейчас он чуть не снес зомби, которого Людвиг допрашивал. Приказав тупому созданию замереть, а писцу выйти вон, Людвиг повернулся к другу и непосредственно начальнику. Судя по сдвинутым бровям, новости он принес не самые приятные. Самое то для прозекторской – и обстановка подходящая, и магические щиты повышенной надежности. Ни прослушать, и подсмотреть, ни выйти – чтобы нежить не разгуливала по Оранжерее и не пугала мирных добрых безопасников.

– Он самый, – кивнул Людвиг, стягивая демонски неудобные резиновые перчатки.

– Твою мать! – было самым цензурным из всего, что изволили сказать герр генерал.

– Герман, вы оторвали меня от допроса, чтобы ознакомить с этой, несомненно забавной, идиомой?

– Разумеется! Шутник, твою налево! Какого демона ты не доложил, что тебя уже раз десять пытался завербовать Цветник?

Ответа ему не требовалось, поэтому Людвиг молча протя-

нул Герману фляжку с успокоительным травяным отваром. Тот глотнул и скривился.

– Что за дрянь ты мне подсунул?

– Пейте, генерал, это от нервов. Герр Мессер прописал моей матушке.

– Лучше бы он ей яду прописал... – нахмурился Герман, но из фляжки все же глотнул. И даже рухнул на стул, только что оставленный писцом. – Итак, к новостям. Император Франкии умирает.

– Свежая новость, угу.

– Не перебивай меня! Итак. Старый скандалист не так давно смертельно разругался с Гельмутом, ты в курсе. Но Гельмут, да живет он вечно, все равно готов поддержать его наследника, лишь бы обойтись без войны.

Людвиг молча кивнул: все это они обсуждали сегодня вместо завтрака. Но раз Герману удобнее повторить, пусть.

– А сегодня со мной связался Черный Карлик. Неофициально. Как частное, мать его, лицо! И пожаловался, что некий некромант, не к ночи будь помянут, никак не хочет с ним сотрудничать. Даже выслушать отказывается! Недавно ценного сотрудника...

– ...частного лица... – пробормотал под нос Людвиг.

– Сотрудника, говорю, с лестницы спустил. Не стыдно тебе?

– Никак нет, герр генерал! Служу Астурии!

– Не паясничай, герр полковник. Где твоя гибкость? Где

чувство момента? А?

Людвиг бы ответил, где, но сквернословить в прозекторской не любил. Это плохо влияло на магическое поле. Вон, зомби от ругани уже дергается и чуть не падает. Потому он промолчал. Герман не дурак, Герман и так понимает, где Людвиг видел гибкость, чувство момента и прочую политическую дрянь.

– Короче говоря, у них там творится... ладно, ладно. Не буду ругаться, уговорил. Итак... император окончательно впал в маразм. ДАмарьяк не может обратиться к Гельмуту официально, да вообще ни к кому не может. Он, как глава Ордена, получил от императора строжайший запрет вмешиваться в августейшее лечение. И в дела политические – тоже.

Людвиг кивнул. Да уж, маразм прогрессирует.

– Но как частное лицо он подозревает, что доверенный лекарь старого хрыча имеет свой интерес. Вообще этого лекаря никто не видел и о нем никто не знает. Теоретически. А практически демоново отродье вот-вот загонит императора в могилу. Де Флер говорит, не сегодня, так завтра. Да, он тоже частное лицо. Добрый франк, который заботится о сохранности родины исключительно из альтруистических соображений.

– Каких-каких?

– Слово такое. Ты не знаешь.

– Я же просил не ругаться, – Людвиг укоризненно покачал головой. – И что эти альтруисты драные хотят от скромного,

законопослушного некроманта? Который, между прочим, не предает родину, вступая в переговоры со шпионами.

– Помощи они хотят, чего же еще. По специальности. В частном порядке!

– Да понял я, что в частном. Но я, между прочим, состою на службе, и меня начальство так просто не отпустит.

– А ты не так просто. Ты на воды, здоровье поправить. Я тебе отпуск дам и даже премию выпишу. Или хочешь медаль?

Медаль Людвиг проигнорировал. Лучше уж премию, чем еще одну блестящую ерундовину, которой начальство предпочитало подменять денежное вознаграждение. Ибо кто ж откажется от чести в пользу каких-то там прозаических денег? А вот герцог Бастельеро и откажется. Из принципа.

– На воды, значит. Но сначала премию! – Людвиг с удовлетворением отметил, как Герман поморщился, но кивнул. – И что там, на водах, я должен сделать?

– Анимировать труп, что ж еще. Кронпринц не успеет до смерти отца, оппозиция уже готова к перевороту, но старого маразматика все боятся до медвежьей болезни. И как только трон опустеет, во Франкии такое начнется... ну, не мне тебе рассказывать. Так что создашь видимость грозно-могучего маразматика, главное, самодурствуй в меру. И поможешь обезвредить оппозицию. Встретишься с де Флером частным порядком, он введет тебя в курс дела. Кстати, от имени маразматика подаришь Гельмуту те самые рудники. Премию

отрабатывать надо.

– А потом мне же их зачищать, да? Вот не было забот!

На этот раз Герман проигнорировал его возмущение. И ладно. Все равно Людвиг давно точил зуб на те рудники, то есть на обитающую там крайне интересную нежить. Вот будут рудники принадлежать короне, можно и экспедицию организовать. С хорошим бюджетом. Еще бы помощника себе найти, чтобы и с сильным даром, и с мозгами, и без любви к политике! Мечты, мечты.

– Что-то ты в самом деле выглядишь усталым. Закончил уже с этим? – Герман кивнул на жертву маньяка-убийцы. – Добыл хоть что-то полезное?

– Пустышка, – покачал головой Людвиг. – Ни демона лысого он не видел. Осторожные пошли маньяки, жертвам не показываются. Разве что упоминал каких-то бабочек. Возможно, зацепка. А так, закончить процедуру и можно звать ликвидаторов с огнеметами.

– Бабочек упоминал... ну хоть что-то. Заканчивай, и отправляйся в отпуск. Начни его с обеда и визита к любовнице, тебе сегодня полезно, новобрачный.

Хмыкнув, Герман вышел, а Людвиг оглядел негодного зомби, вздохнул и позвал писца – пусть доделывает отчет, пока Людвиг будет упокаивать нежить.

Эх, опять бюргеры будут жаловаться, что Оранжерея не чтит традиции и не выдает покойников для достойных похорон. А что делать, если любой анимированный Людвигом

труп анимируется так хорошо, что потом его и Баргот в землю не загонит? Только жечь. Дотла. А если бюргеры будут возмущаться слишком громко... что ж, следующую нежить получают в полное свое распоряжение, и пусть не жалуются, когда достойный отец семейства прямо посреди церемонии выломается из гроба и начнет отплясывать.

Хех. Интересно, а что будет, если не сжигать франкского императора после анимации, а оставить им на память? Пожалуй, тогда к серебряным рудникам можно будет добавить целую провинцию. А то и две.

Дай-то Баргот, чтобы эта мысль не пришла в голову нашему хозяйственному величеству! Кузен, он такой. Он может подложить соседушкам коронованную немертвую свинью.

Глава 8, о кошке, молоке и подвохе

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Где-то тут был подвох. Среди всех этих роз, статуй и по-добострастной прислуги Ринка отчетливо чужая кака-дось.

На мгновение ей показалось, что гадость нашлась: когда ей представили коровообразную камеристку. Но Людвиг ее отослал, поступил, как истинный джентльмен, и это-то убе-дило Ринку окончательно, что подвох – есть.

Может быть, того мрачного желчного типа, который шан-тажом заставил ее выйти замуж, подменили? Или он притво-ряется милым и разумным, чтобы усыпить ее бдительность, и...

Что «и», Ринка понятия не имела, и от того воображение рисовало ей картины одна другой страшнее. Не зря же она читала кучу книг про всяких магов, демонов, некромантов и прочих дроу! По законам жанра он сейчас притворится бе-лым и пушистым, а потом ка-ак принесет ее в жертву како-му-нибудь темному божеству! Или светлому, что не лучше.

– Покои вашей светлости, – дворецкий раскрыл перед Ринкой высокую двустворчатую дверь и с поклоном отсту-пил. – Прикажете подавать завтрак или сначала желаете при-

нять ванну?

– Завтрак? – Ринка чуть не споткнулась на ровном месте и едва не уронила кошку по имени Собака, которую так и несла на руках. – Как завтрак?..

Ей казалось, что уже вечер! Столько событий произошло, а все еще утро?..

– Второй завтрак, ваша светлость. Обед подается в семь вечера, когда его светлость возвращается со службы.

– А сколько сейчас?

– Половина второго дня, ваша светлость, – дворецкий был сама невозмутимость.

Ринке даже показалось на миг, что он не моргает и не дышит, но как бы он тогда разговаривал? И запах от него странный, похоже на формалин.

Да нет. Показалось. На зомби и прочую нежить из фильмов он совершенно не похож! Улыбается и двигается естественно. Просто очень бледный, наверное, не выходит на свежий воздух. И кошка бы наверняка забеспокоилась, но она на дворецкого даже не смотрела – словно его и не существовало.

– Тогда, пожалуйста, завтрак. А потом ванну... – Ринка вдруг зевнула, да так, что голова закружилась.

Дворецкий удалился, напоследок показав Магде дверь в ее комнату и велел по всем вопросам обращаться к нему и фрау Шлиμμαхер, шеф-повару. И не упаси Баргот назвать ее кухаркой, обидится насмерть. Тут дворецкий ехидно хи-

хикнул, чем окончательно убедил Ринку в том, что он – нормальный живой человек. Не могут зомби хихикать и язвить!

– А здесь мило, – задумчиво пробормотала она, зайдя в комнату.

И сама же смутилась. Наверняка она, небогатая русская студентка, смотрится в этой комнате до ужаса неуместно. Тут все такое светлое, просторное, бело-золотое и в салатово-розовых драпировках! И белые розы повсюду – на столиках, на подоконниках (трех, Карл!) и на комоде, и в вазах около кровати. А сама кровать под балдахином из нежно-мшистого бархата и белоснежного тюля – застелена вышитым покрывалом. Ринка видела подобное в глянцевого журнале.

Анриал. Полный. Разрыв шаблона и вынос мозга.

Наверное, это все ей снится!

А раз снится – значит, все можно!

Она скинула кошку на кровать – та встряхнулась и немедленно улеглась на подушку – и подбежала к шкафу. Огромному, с резными дверцами и золотыми ручками. И едва не вскрикнула, увидев, что ей наперерез бежит какая-то увешанная драгоценностями фифа... Да это же зеркало! Мать моя Ктулху...

Ринка заворуженно приблизилась к ростовому зеркалу в бронзовой раме и дотронулась пальцем до отражения. Она уже видела эту девушку в салоне у мадам Шанталь, но так и не смогла поверить, что это – она. Но черты были те самые,

привычные с детства. И тени под глазами – в точности, как на экзамене после бессонной ночи. А вот все остальное...

– Вы такая красивая! – вздохнул кто-то позади.

Ринка резко обернулась и целую секунду недоуменно таращилась на рыжую девицу, вроде бы знакомую, но откуда?.. А, точно! Ринка же сама взяла ее в услужение. Подобрала на улице. И грозный некромант, герцог и целый полковник ей позволил. Мало того, ее поддержал, а потом смеялся.

Ринка потрясла головой, пытаясь уложить все странности и безумности этого дня, но ничего не уложилось. Только голова закружилась. И в животе забурчало.

– Ох, мадам! Вы ж небось устали и проголодались, а я тут-та... я мигом! – затараторила девица, подскочила на месте и куда-то унеслась.

Куда? Зачем? И что я тут делаю?..

– Мрр-мя! – раздалось с кровати, и Ринка обрадованно поспешила на зов.

– Ах ты, Собака, – сев рядом, она погладила кошку.

Подушки выглядели невероятно мягкими, и от белья пахло лавандой и свежестью... Она приляжет всего на секундочку! На полсекундочки!..

– ...ваша светлость! Ну как же ж так, платье-то помнется, и я вам молочка принесла... давайте, садитесь!

Чьи-то руки тормозили Ринку, очень вкусно пахло молоком...

– Немножко, мадам, совсем чуточку! А я вас раздену,

негоже такое платье-то измять, красота ж экая... и шпильки надо вынуть, а то голова болеть станет. Вы пейте, пейте, мадам. Вкусное молочко, парное... уж вы притомились... нелегко с таким мужем, да? Но вы его... ах, какая вы смелая, я бы никогда не решилась, я б сомлела, их светлость как глянут, аж морозом продрало!..

Ринка с трудом разлепила глаза, глотнула молока... и только тогда осознала, что смотрит прямиком в синие-синие глаза, такие знакомые, почти родные...

– Людвиг?.. – позвала она.

Магда вскинулась, обернулась – и недоуменно спросила:

– Где?

Обладатель синих глаза, привалившийся к столбику балдахина не более чем в метре от Магды, подмигнул Ринке и одними губами прошептал:

– Добро пожаловать домой, фрау Бастельеро.

Ринка была уверена, что с его губ не сорвалось ни звука. И Магда ничегошеньки не услышала. А еще Ринка четко поняла, что это никакой не Людвиг, хоть и похож. Людвиг не носит рубашки с кружевными манжетами и жабо, и расшитых золотом лазурных жилетов не носит, к тому же Людвиг выше и шире в плечах, чем этот...

– Кто вы? – так же беззвучно спросила она, твердо зная: ее услышат.

Но незнакомец не ответил, лишь приложил палец к губам, еще раз подмигнул – и исчез.

– Мадам? Что с вами, мадам? – обеспокоенно спросила Магда, заглядывая Ринке в глаза.

– Я сплю, – ответила Ринка и откинулась на подушки.

Разумеется, она спит. Даже в мрачном замке некроманта, заполненном белыми розами и солнцем, не может быть подмигивающих призраков в кружевах.

Точно не может.

– Мрр-мя, – подтвердила кошка по имени Собака, и Ринке показалось, что она тоже ей подмигнула.

Очень, очень странный сон, подумала Ринка... и уснула.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Кошка по имени Собака

– Мрр-мя! – сказала кошка по имени Собака, подмигнула почти-хозяйке и, задрвав хвост, спрыгнула с кровати.

Пора было обследовать новый дом.

Для начала она сходила в сад, познакомилась с местными крысами и быстро объяснила им, кто тут главный. Затем обошла дом и заглянула в подвал вместе со вкусно пахнущей большой женщиной. Как выяснилось, большая женщина заправляла на кухне, поэтому кошка по имени Собака ей тоже сказала «мурр», позволила себя погладить и угостить кусочком мяска.

А потом кошка заглянула в записку, которую писал хозяин дома, и проводила его до мобиля – здешние мобили нра-

вились ей намного больше тех, что были в мире, из которого она привела глупую, но хорошую девушку.

Записку она не одобрила. Отъезд мужчины – тем более. Трус! Сбежал! Даже не заглянул к жене!

Фыркнув ему вслед, кошка по имени Собака – глупое имя, но ей понравилось – вернулась в комнату своей почти-хозяйки. Села перед зеркалом и обернула лапы хвостом.

Смотреть на себя она могла сколько угодно. Любоваться совершенством – самое правильное и полезное занятие. Почти как есть мяско, пить молочко и спать на своем человеке.

Зевнув, она обернулась и взглянула на свою почти-хозяйку. Таковую же глупую, как настоящий хозяин. Нет, хозяин даже глупее. Разве это умный приказ, влюбить этих двоих друг в друга? Как, скажите на милость, мне их влюблять? У меня же лапки!

А эти двое!.. Я их свела, спела им весенние песни, а они?

Один трусливо сбежал к своим мерзким зомби, даже записку написал так, что я бы за такую всю морду ему расцарапала.

Вторая не глядит на своего мужчину, все ищет какого-то подвоха и вспоминает занудного Петюню. Фу! Пентюх, он и есть пентюх, такого вспоминать – себя не уважать.

А камеристка? Зачем она камеристку привела? Нет, чтобы попросить супруга! Ах, мой милый, помогите же мне растегнуть эти непослушные пуговицы и ужасные крючки! Посмотрите, не осталось ли на моей коже следов от корсажа!

И чулки, я никак не справлюсь сама!.. Вот как делает настоящая женщина! Тогда и муж не будет сбегать на службу, а займется своими прямыми обязанностями.

Но нет. Эта глупая девица скорее огреет его талмудом, чем томно похлопает ресницами. Глупые, глупые люди! То ли дело – коты! Ах! Мррр! Вот помнится, в прошлом марте... ах, какие у него были усы! А какие песни он пел! А как славно дрался с тем, полосатым... о, мой герой...

Ах, о чем это я?

Сладко потянувшись и закогтив пушистый ковер, кошка по имени Собака сверкнула синими глазами, боевито задрала хвост и направилась к кровати. Пока почти-хозяйка спит, можно немножечко ей помочь. Как женщина женщине. А то ведь так и останется без котят, глупая!

Потому что настоящая женщина может все, даже если у нее лапки.

Просто нежненько, исподволь. Чтобы никто и не догадался, кто приложил лапку к такому деликатному делу, как любовь.

И котята. Хозяин сказал, что котята нужны обязательно. И не от пентюха Петюни, а именно от этого, который трусливо сбежал.

Кошка по имени Собака все равно не понимала, зачем котят о того, который сбегает, а не от того, который будет драться за свою женщину. Но раз хозяин сказал... хоть он и странный, хозяин, но ведь свой, любимый. А чего не сде-

лаешь ради любви, даже если на дворе не март, а ужасный мокрый октябрь.

Глава 9, о сокровищах и чудовищах

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

В библиотеке было прохладно и сумрачно. Откуда-то Ринка знала, что именно там – в дальнем, старом шкафу – хранится то, что ей нужно. Ключ в родной мир.

Она шла меж стеллажей, заполненных сокровищами. Старыми и новыми, толстыми и тонкими, бумажными и пергаментными, в деревянных, кожаных, тканевых и даже, кажется, чешуйчатых обложках. Словно в библиотеке Хогвартса! И все это волшебство – теперь ее!

Остановившись, она вытащила наугад том в алой бархатной обложке, открыла его...

И обиженно закрыла. Строчки прыгали, буквы расплывались, и казалось, сейчас сложатся во что-то очень неприличное и ругательное.

– Поставь на место, – проворчала книга. – Нос не дорос.

– Извините, – машинально ответила Ринка и поставила книгу на место. – Я не знала, что у вас характер.

– У всех характер, – менторским тоном пояснил кто-то с верхней полки. – Просто у некоторых особенно вредный. Некоторые... хм... не советую, фрау.

Ринка отдернула руку от соседнего фолианта с солидным

коричневым, с золотым тиснением, корешком.

– Она кусается? – спросила она, задрав голову и пытаясь понять, кто теперь с ней разговаривает.

– Ни в коем случае. Только съедает мозги маленьких наивных девочек, которые забрели, куда их не звали, – сказал тот же голос.

– Не слушайте его, прелестное дитя, кхе... – на другой полке завозились, и оттуда вылетел клуб пыли. – Кхе! Вот уж бывают глупые книги! Даже среди такого уважаемого собрания...

– Вы несете ересь, неуважаемый, – раздался третий голос. А за ним четвертый, и пятый ... Книги спорили, предлагали Рине самой прочесть и убедиться, требовали не трогать руками, сыпали пылью и цитатами, светили мудростью и напускали туману, взывали к древним авторитетам и новейшим исследованиям, а Ринка, тихонько – чтобы никого не обидеть, а то вдруг правда укусят? – пробиралась к дальнему шкафу. Оттуда никто не ворчал и не пылил, но Ринка чувствовала: там ее ждут. Настороженно и с любопытством.

Вот только опутывающие шкаф остро-серебристые нити Ринку смущали. Они очень походили на оголенные электрические провода. Наверное, это сигнализация, и если она тронет нить – завоет сирена, прибежит полиция, и ее... а что с ней сделают? Это же ее библиотека! Ее? Хм... не совсем ее, но почти. По крайней мере, ей никто не запрещал брать отсюда книги!

– Вы не совсем правы, хотя и в своем праве, кхе-кхе, – на Ринку опять дунуло пылью. – Вы герцогиня, а значит, согласно уложению от две тысячи триста пятого года... кхе! Кхе!

От пыли у Ринки все сильнее щекотало в носу, и так захотелось чихнуть, что она даже не обратила внимания на «герцогиню». А еще хотелось заткнуть уши и не слышать книжных споров – до ужаса напоминающих ученый совет на защите папиной диссертации. Ринка с бабулей тогда ходили с ним вместе и подслушивали под дверь, потому что нельзя было оставить папу одного «на растерзание старым маразматикам».

Ринка почти добралась до заветного шкафа. Кто же ей сказал, что именно тут – ключ? Неважно! Осталось всего ничего, только протянуть руку...

Остро-серебристые нити распутались, сложившись в красивый узор, напоминающий одновременно чешую и крылья, вспыхнули, и дверцы шкафа раскрылись сами. Внутри лежал всего один фолиант. Большой, обтянутый перламутрово-зеленоватой кожей, похожей на змеиную, с массивными золотыми застежками, украшенными немислимых размеров камнями. Даже в библиотечной пыли они сияли, словно новогодняя гирлянда. И притягивали, манили, обещали...

В носу нестерпимо засвербело, словно в лицо попал кошачий хвост. Даже на языке почувствовался вкус шерсти. Ринка потерла нос, но это не помогло, свербело все сильнее и сильнее...

– Апчхи!

– Будьте здоровы, – отозвалось сразу несколько голосов...

– Молчать, – оборвал их другой голос. Низкий, глубокий, бархатный. Как будто бы знакомый, но кто это?

Книги мгновенно притихли и притворились обычными, не волшебными. А Ринка внезапно осознала, что стоит бо-сиком, в одной только шелковой сорочке. Длинной, по щиколотку, но сверху – на тонюсеньких бретельках и едва прикрывающей грудь. По спине щекотно пробежали мурашки, пальцы на ногах поджались. А вот свербеть в носу перестало, как будто пыль исчезла.

С трудом отведя взгляд от перламутрово-зеленой обложки, Ринка начала оборачиваться – медленно, ужасно медленно, словно фолиант не отпускал ее. Даже сделала еще один крохотный шаг вперед, к шкафу.

Серебристые нити вновь зашевелились, натянулись, и Ринке показалось, что они превратились в сеть – и все равно она была не в силах устоять на месте. Даже о том, что кто-то пришел в библиотеку, и она хотела обернуться, почти забыла...

Горячие сухие ладони легли ей на глаза, и тот же самый голос приказал:

– Место! – и непреодолимое желание взять в руки фолиант исчезло, а из шкафа послышался разочарованный не то рык, не то вздох.

Одновременно с этим Ринку обдало колкой прохладой,

словно порывом ветра с нее сорвало теплый и ласковый кокон. Но ведь сорочка осталась на ней, а больше ничего и не было? Как странно!

– Ты очень неосторожна, – шепнули позади Ринки, и на смену прохладе пришло тепло мужского тела и горько-терпкий, знакомый и обещающий что-то хорошее запах. Но она все равно невольно вздрогнула, не столько от неожиданности, сколько от обостренного ощущения чужого тепла и собственной почти-наготы. – Все хорошо, – сказали ей, едва касаясь дыханием и губами ее уха, но так и не убрав ладоней с ее глаз.

Она бы поверила, если бы могла понять – кто это? Почему она согласна, что незнакомец имеет право обнимать ее, и почему ей кажется правильным прижаться к нему спиной и склонить голову, подставляя шею под поцелуи?

И пока она гадала, тело сделало все само – и прижалось, и подставило шею. А незнакомец тут же провел по ней губами, рождая внутри Ринки волну предвкушения и заставляя ее сердце биться быстрее. А еще у нее почему-то образовалась слабость в коленях, и безумно захотелось схватиться за надежную мужскую руку... или плечи... или что-то еще... И понять, наконец...

– Кто ты? Я хочу видеть!

Мужчина вместо ответа потерся об нее бедрами, так и не убирая ладоней с ее глаз, и Ринка тихоньки вскрикнула, таким ярким и неожиданным было удовольствие. Просто от

того, что она почувствовала его возбуждение.

– Чш, ты увидишь меня чуть позже. Пока нельзя.

– Чуш-ш-шь! – пошелестело где-то рядом и вокруг, и Ринки как будто коснулась паутина. – Мош-ш-шно! Все мош-ш-шно! Он лш-ш-шет!

Мужчина позади Ринки на миг оторвался от ее плеча и тихонько рыкнул – как большой зверь, совершенно нечеловеческим звуком. Паутина исчезла, а Ринке внезапно стало весело, словно внутри забурлили пузырьки от шампанского.

– А почему нельзя? Ты превратишься в тыкву?

На миг мужчина опешил.

– Почему в тыкву?

– Потому что в детстве надо сказки читать, – тут же ворчливо отозвались с книжной полки, – а не забивать голову всякими глу...

– Р-разговор-рчики, – снова рыкнул мужчина, и ворчливый голос осекся, зато кто-то неподалеку тихо-тихо захихикал. – А ты, получается, читала сказки?

– Ага.

Ринка смущенно повела обнаженными плечами; она знала, что их окружают всего лишь говорящие книги, но все равно... подглядывают же! Она никогда не занималась этим... ну... она даже целоваться на публике стеснялась. А тут сразу целая библиотека, а она почти голая, а мужчина не на шутку возбужден, и чем это все закончится... ой... она очень-очень хорошо представляла себе, чем. И от этих картинок

смущалась еще больше.

Нет, пожалуй, больше всего она смущалась от того, что не знала – кто этот мужчина, но все равно позволяла ему... и сама хотела гораздо большего... ой-ой. Кто-то здесь нехорошая девочка...

– Ты принц или чудовище? – постаралась она перевести тему, просто чтобы было не так стыдно.

– Разумеется, чудовище, – о ее затылок и шею потерлась горячая щека, а ее лопатки пощекотали шелковистые волосы. – Страшное...

– ...но симпатичное, – хихикнула Ринка. – Щекотно!

– Очень стр-рашное! – не то рыкнули, не то засмеялись позади, и прикусили Ринку за холку, и тут же зализали укус, и спустились губами вниз, между лопаток...

Она задохнулась и выгнулась, чтобы не разрывать контакт с горячим мужским телом, но у нее не вышло. Он отстранился, оставив лишь ладони на ее глазах.

С трудом подавив разочарованный стон, Ринка замерла. Нет, она не боялась, что он уйдет и оставит ее одну. Она понимала, что все что она хочет – будет. Но... не была в этом уверена. И от этой неопределенности, и внезапно сладкой зависимости – от его желания, от его воли – ее ощущения невероятно обострились. И, кажется, она ему доверяла. Не зная ни его имени, ни его внешности, ничего!..

Хотя нет!

Перед глазами внезапно всплыла картинка (из фильма?):

светлый зал, публика в костюмах девятнадцатого века, и в центре кадра черноволосый аристократ – элегантный, харизматичный, опасный и безумно привлекательный. Он зол, как тысяча чертей, дамы и кавалеры отшатываются от него, и сейчас что-то будет...

– Людвиг. Тебя зовут Людвиг.

Мгновение удивленного молчания, потом тихий-тихий смех и такой же тихий приказ. Нет, просьба:

– Закрой глаза. Сама.

– А... – Ринка хотела спросить, зачем, но не стала. Просто согласилась. – Ладно.

Теплые ладони скользнули по ее скулам и зарылись в волосы. Вытащили шпильку, растрепали освобожденные пряди. Погладили плечи.

Безумно хотелось податься им навстречу, как кошка подставляется под гладящую ее руку, но каким-то седьмым чувством Ринка чужая – он ждет, что она будет стоять неподвижно. Позволит собой любоваться.

Может быть, она слышала это в его неровном, ускоренном дыхании. Или в сумасшедшем биении собственного сердца.

– Ты очень красива, – словно нехотя, словно на чужом и сложном языке, шепнул Людвиг. И взял ее за руку. – Идем со мной.

Ринка пошла с ним, не открывая глаз и не обращая внимания на недовольный шелест позади:

– Вернис-сь!

Но она даже не попыталась обернуться. Только улыбнулась и чуть сильнее сжала мужскую ладонь. Она знала, — неизвестно откуда, но это не имело значения, — что Людвигу нравится ее доверие и послушание. А самое странное, что ей самой нравилось доверять и слушаться. Новое, непривычное ощущение...

Она почти вспомнила, почему на самом деле доверять и слушаться нельзя, но тут по ее лицу снова мазнули волосы... или шерсть... или паутина... неприятные воспоминания исчезли, оставив лишь любопытство, доверие — и предвкушение. А через мгновение сильные мужские руки потянули ее к себе, и она оказалась прижатой к твердой груди. И не только груди, о да... Под Ринкиной щекой отказалось плечо, обтянутое чем-то шелковистым, вроде батиста, а ее руки словно сами собой обняли Людвига за шею.

— Рина? — одновременно с вопросом Людвиг приподнял ее голову за подбородок и, мгновение подождав (Ринка послушно держала глаза закрытыми, хотя ей ужасно хотелось увидеть его), коснулся губами ее рта.

Нежно. Словно изучая, пробуя на вкус.

Она тоже изучала и пробовала, и ей определенно нравилось — и легкий привкус шоколада, и запах чистого, здорового мужчины, и гулкое, быстрое биение его пульса под ее пальцами.

— Теперь можно? — спросила она, едва поцелуй прервался.

— Да.

Она целую секунду промедлила. Вдруг она ошиблась, и это – не Людвиг?.. а кто такой, кстати, Людвиг? Вряд ли они познакомились на съемках фильма... Но ее губ снова коснулось мужское дыхание, и она распахнула глаза. Как раз вовремя, чтобы заглянуть в его глаза, синие, как Средиземное море, и такие же манящие. И через мгновение все странные мысли вылетели у нее из головы.

Этот поцелуй был совсем иным. Жадным, требовательным, горячим. И Ринка отвечала так же горячо и жадно, недоумевая: почему это прекрасное ощущение кажется новым? Ведь это Людвиг, ее Людвиг, он был рядом с ней всегда и будет всегда!..

Она потянулась к застёжке его рубашки, но не нашла ее – и требовательно дернула ворот, желая скорее дотронуться до обнаженной кожи. Кончики пальцев покалывало от удовольствия и нетерпения, внизу живота потяжелело, налилось жаром, и каждое прикосновение – его губ, его рук, даже шершавой ткани его брюк сквозь тонкий шелк сорочки – казалось невероятно ярким и необходимым. И когда Людвиг, не разрывая поцелуя, потянул с себя рубашку, Ринка радостно запустила под нее обе руки – наконец-то ощутить его, огладить напряженные тугие мышцы, рельеф спины, провести вниз по твердым костяшкам позвонков... а когда она скользнула пальцами под ремень его брюк, Людвиг вздрогнул, отстранился...

Ринка разочарованно выдохнула – нельзя, нельзя отни-

мать у нее это великолепное мужское тело, она еще не успела, да ничего она не успела!..

Разве что смотреть, как Людвиг торопливо расстегивает ремень, не отрывая от нее потемневшего взгляда, судорожно сглатывает, облизывает пересохшие губы – и Ринка машинально повторяет за ним, и впитывает, впитывает каждое прекрасное мгновение... каждое движение изящных пальцев, изгиб запястий, показавшуюся дорожку темных волос...

Почему она раньше не замечала, как это красиво и эротично – мужчина, торопливо снимающий с себя штаны?

Прикусив губу, она дотронулась до низа его живота, улыбнулась, ощутив его судорожный вдох, и накрыла ладонью освобожденную из плена горячую, нежную плоть.

Боже, как хорошо!.. И как хочется скорее, прямо сейчас, почувствовать его в себе! Там, где тело изнывает от нетерпения! А еще хочется...

Ринка провела обеими ладонями по его животу и груди вверх, задержавшись на ключицах, и там же, где остановились пальцы, дотронулась губами. Осторожно, вдоль косточки, лизнула плотную, чуть влажную кожу, почувствовала ее вкус и запах.

И повела плечами, помогая ему избавиться ее от ненужной сорочки, прижалась всем телом, прерывисто вздохнула, когда он сжал ладонями ее обнаженные бедра...

– Кто так делает, ну кто так делает? – проскрипело откуда-то сверху. – Никакого терпения, молодежь пошла! Вот на-

ше время... – сверху мечтательно зашелестело, а потом пустилось в воспоминания, от которых у Ринки мгновенно загорелись уши.

Она замерла, взглядом ища что-нибудь, чем можно запустить во вконец обнаглевшие книги: настольная лампа? Чернильница? Чей-то лысый бронзовый бюст? Подушка с дивана?..

Людвиг тоже на миг замер, оторвался от ее плеча, которое увлеченно целовал, и хмуро глянул на книжные полки. Оттуда что-то посыпалось, взвились клубы пыли, кто-то закашлялся, а кто-то зашикал. В точности ученый совет!

– Особо умных советчиков упокою, – он не повышал голос, нет. Но ученый совет резко заткнулся, а потом зашелестел страницами, делая вид, что они тут вовсе ни при чем.

– А мы что, а мы ничего... Никого не трогаю, примус починая... – зашептало на разные голоса. Очень испуганные голоса. И в библиотеке потемнело.

Ринке стало безумно смешно, и в то же время – невероятно приятно и горячо. Страшное-престрашное чудовище рычит на пыльную мудрость, а та цитирует Булгакова и прячется. И чудовище – самое сильное, самое красивое, самое... самое ее, вот!

– Завидуйте молча, – сказала она, обернувшись к подернутым дымкой книжным полкам и показав им язык. Спрятались, значит. Еще бы цветочками притворились!

Словно в ответ на ее мысли дымка заволновалась, сгусти-

лась – и перед книжными полками нарисовалась мексиканская саванна, поросшая желтоватыми кактусами с крупными лиловыми цветами. Кактусы были полупрозрачные, но на вид очень, очень колючие.

Людвиг хмыкнул, запустил руку в Ринкины волосы на затылке, погладил. И с улыбкой склонился к ее губам.

– Ты удивительно прелестна в гневе, моя герцогиня, – в его голосе насмешливые нотки мешались с хрипотцой возбуждения.

Вместо ответа – которого никто и не ждал – Ринка его поцеловала. И закинула ногу ему на бедро, потерлась о него животом... О, реакция ее восхитила: Людвиг тут же приподнял ее за бедра, развернулся вместе с ней – и усадил ее на край дивана, оказавшись на коленях между ее ног. У Ринки даже голова закружилась от такого напора. А может быть, от нетерпения. Она вся пылала, ее кожа требовала прикосновений, все ее тело дрожало и плавилось, готовое принять новую форму – его форму, вобрать его в себя, сжать...

Когда он вошел, резко, на всю глубину, Ринка застонала и откинула голову, вцепившись его плечи. Мощные, бугрящиеся мускулами. Это было так хорошо... так правильно... Только мало, мало!

И она подавалась навстречу каждому его движению, чтобы быть еще ближе, почувствовать его еще полнее, быть с ним одним целым...

Где-то на задворках сознания мелькнуло недоумение:

неужели бывает настолько хорошо? Вот именно так, как нужно, как просит ее тело, с правильной скоростью, и она точно знает – он не остановится, будет двигаться именно столько, сколько ей нужно...

Да, именно так!..

Жар внутри ее рос, ширился, вытеснял случайно забредшие мысли, выжигал все страхи и сомнения – и переплавлялся в чистейшее, невероятное наслаждение. Огромное. Неудержимое. Как цунами.

И перед самым пиком, просто чтобы быть еще ближе, она запустила руку ему в волосы, потянула к себе – сильнее, ну же, сейчас!.. – и рассыпалась на мелкие осколки, на крохотные звездочки... а над ней, в ней, вокруг нее – был он, ее мужчина. Людвиг.

– Людвиг, – шепнула она, чувствуя, как он содрогается внутри нее, как отчаянно быстро бьется его пульс, и как его дыхание щекочет влажные волосы на ее виске.

И его усталую улыбку она тоже чувствовала. Вместе крепкими, надежными объятиями. И почти успела услышать, как он шепчет ее имя – нежно, сумасшедше нежно...

– Рина... Рина!

И открыла глаза.

На нее очень внимательно смотрели синие, как летнее небо, глаза с узкими вертикальными зрачками.

– Мр-рр? – сказала кошка по имени Собака и переступила

лапками по Ринкиной груди. – Мр-мр!

Ринка догадалась, что это означало «хватит спать, ленивый человек, чеши!»

Чесать кошку не хотелось, так что Ринка протянула к ней руку из чистой вежливости. А хотелось обратно в сон... ох, какой был сон!..

Жар залил ее от самых ушей – и сконцентрировался сладкой тяжестью между бедер. Вот что с ней такое, а? Меньше суток знакомы с Людвигом, а она уже смотрит про него такие сны! Такие...

На этом месте слова закончились, остался один немой восторг и обида – ну почему это был всего лишь сон? Почему в реальности мужчины не бывают настолько чуткими, понимающими, сильными и уверенными! То есть бывают, но как-то по отдельности. Вот Петр всегда был уверен, что лучше знает, что ей нужно, и как-то не слишком прислушивался к ее желаниям. Влад... о том разе даже вспоминать не хотелось. Гормоны, угар первой любви, все второпях, на эмоциях, и она даже толком ничего не почувствовала... Великий Ктулху, какой она была дурой! По сравнению с Людвигом... да никакого сравнения!..

И как же трудно напоминать себе, что это был всего лишь сон! Ощущения-то самые настоящие!

Ринка снова залилась жаром и зажмурилась, вспомнив ощущение губ Людвига. Сладко-о...

– Мадам Рина, вы проснулись! – вырвала ее из грез Маг-

да. – К вам герр Мессер пожаловали! Вам платье подать? Их светлость вам платьев назаказали, красивенные! Аж целый шкаф!

– Ага, – неуверенно отозвалась Ринка.

Через мгновение ее закружил рыжий ураган, сияющий счастливой улыбкой. Причесывая и одевая ее в сливочное, вышитое букетиками фиалок домашнее платье, Магда умудрялась одновременно восхищаться красотой своей хозяйки, строгостью Рихарда, волшебным штруделем фрау Шлиммхер, виллой, мобилем герра доктора и его обходительностью, и все это с неподражаемым деревенским прононсом.

– Не так быстро, – наконец, взмолилась Ринка.

Рыжая тут же зажала рот ладошкой и сделала круглые глаза:

– Ай, простите, мадам! Вы ж только со сна, а я тут с глупостями-то со своими!.. А велите, я вам в утрешний будуар подам чаю со штруделем? Рихард говорит, в утрешном будуаре прилично принимать герра доктора! Или лучше в столовой?

В голосе Магды звенел детский восторг: ах, какой дом! Фрау Цветочнице и не снилось! А Ганс, глупый Ганс, умер бы от зависти, увидев ее здесь, рядом с настоящей герцогиней! Ринке не надо было магического дара, чтобы прочитав все это на открытом, почти детском лице... Наверняка девочке еще шестнадцати нет.

– Хорошо, доктора приму в будуаре, а чай подавай в столовой, – вздохнула Ринка.

Она чувствовала себя хозяйкой ирландского сеттера: очень много радости, дружелюбия, энергии, рыжей шерсти и умильных глазок, но полностью отсутствующие в лексиконе слова «тишина» и «покой». И ведь на это совершенно невозможно сердиться! Особенно когда рыжая непоседа с искренним восхищением достает из коробки атласные туфельки и примеряет их на тебя:

– Вам ножку не обжало, нет? Они ж маленькие! Как на куколку! Вот свезло-то Черному герцогу... – Магда осеклась и подняла на Ринку обеспокоенный взгляд. – Вы простите, мадам, я не... ну... все так говорят. Только их светлость совсем не такие, они... они хорошие, да! А эти пусть...

Ринка засмеялась. Магда с распирающими ее сплетнями была такой забавной и трогательной! Вот точно, сеттер-уши-по-ветру.

– Ты мне все-все расскажешь, только после ухода доктора, хорошо? – улыбнулась ей Ринка.

Магда тут же закивала, да так, что косы запрыгали по плечам. Видно было, что ее распирает со страшной силой, но она держится, как партизанка на допросе.

– Беги, приглашай герра Мессера в будуар и вели накрывать к чаю.

Магда снова закивала, сияя голубыми глазищами. А Ринке очень-очень захотелось приказать: «апорт!». Но она удержалась. Нехорошо обижать девушку, пусть даже прислугу...

О Великий Ктулху! Я что, уже начала мыслить, как герцо-

гиня? Всего лишь прислугу! Буржуйская твоя морда, Агриппина Николаевна. Давно ли сама мыла пробирки в лаборатории, чтоб протянуть от стипендии до стипендии? Аристократка из Нью-Васюков!

Магда убежала звать доктора, так что Ринка без опаски показала своему отражению язык. Отражение, кстати, было неприлично раскрасневшимся и довольным. Никакой аристократической бледности, здоровый рязанский румянец. И глаза, как у обожравшейся сметаны кошки. Кстати о!

– Кис-кис, – позвала она.

Собака тут же запрыгнула ей на колени, словно только и ждала приглашения. И замурлыкала.

Вот так, с кошкой на руках, Ринка и явилась в утренний будуар, такой же светлый, просторный и ни капельки не напоминающий замок некроманта. Правда, выглядел он нежилым, да и спальня тоже. Как будто оформлял нанятый дизайнер, а не хозяйка дома.

Впрочем, о предыдущих хозяйках она скоро все узнает. С таким-то шпионом, как Магда!

– Герр Мессер, рада вас видеть, – она улыбнулась и протянула руку для поцелуя жизнерадостному толстячку.

– Прекрасно выглядите, ваша светлость, – поставив у двери кожаный саквояж, наверное, одинаковый у всех докторов всех миров, герр Мессер приложился к Ринкиной руке, заодно прощупав пульс. – Я несказанно рад прекрасному началу вашего брака!

Ринка не совсем поняла, что именно доктор назвал прекрасным началом брака, может быть, что ее до сих пор не съели фамильные привидения? А, неважно. У нее слишком хорошее настроение, чтобы думать о всякой ерунде. Тем более что она ужасно, просто ужасно голодна!

Как всегда после хорошего секса... но... это же был сон! Так что – просто потому что завтрак был очень давно.

– Для вас – фрау Рина, доктор. Сегодня фрау Шлиммхер приготовила вишневый штрудель, вы же не откажетесь составить мне компанию?

– Божественный запах!.. Но сначала позвольте, я вас осматрю.

– Э... мне нужно раздеться?

– Нет-нет, что вы! – доктор попятился в удивлении, а Ринка мысленно надавала себе тумаков: как можно было забыть, что здесь не двадцать первый век с его свободой нравов! – Я все прекрасно увижу и так.

– У вас все совсем иначе, чем я привыкла, – вздохнула она и похлопала ресницами: роль блондинки – спасение от любых неудобных вопросов. – Сложно вот так сразу в незнакомую культуру, не зная толком ни ваших традиций, ни взаимоотношений. Как нырнуть в реку с пираньями.

– Что такое пираньи?

– Такие зубастые рыбы. Герр Мессер, я не знаю, что вам рассказал Людвиг...

Доктор поднял раскрытые ладони:

– Ничего, ровным счетом ничего! – разулыбался он. – Ваши секреты пусть останутся при вас. Я, видите ли, очень ценю спокойный сон и рассчитываю дожить до старости. Глубокой старости. Моя забота – ваше здоровье, фрау Рина. Надеюсь, ваш супруг не будет против вопроса: атипичная реакция на проклятия – это свойство всей вашей семьи или только ваше?

– Понятия не имею, – она снова похлопала ресницами как можно наивнее. – Видите ли, до сих пор никто не пытался нас проклинять, – Ринка одарила его очаровательной улыбкой.

– У вас, видимо, крайне благоразумные соотечественники. Вы позволите вашу руку?

– Разумеется! – по крайней мере, тут она не опростоволосится. Это всего лишь рука. – А скажите, герр Мессер, вы были знакомы с фрау Эльзой Бастельеро?..

На лице доктора расплылась чисто мужская самодовольная улыбка, он кивнул и начал было говорить, но тут распахнулась дверь, и на пороге показался Людвиг.

Ринка шагнула ему навстречу, позабыв, что доктор держит ее за руку – так рада была, что супруг вернулся...

– Фрау Рина, герр Мессер.

И без того хмурый Людвиг нахмурился еще больше, от него пахло физически ощутимой злостью. Ринка в недоумении замерла.

– Людвиг?

– Продолжайте, не буду вам мешать, – бросил он холодно, развернулся и буквально вылетел из будуара.

Ринка перевела удивленный взгляд на доктора.

– Что это было?

– У вашего супруга очень нервная и ответственная служба. Возможно, он просто устал.

Ринке очень, очень хотелось, чтобы доктор оказался прав. Но что-то ей подсказывало, что дело гораздо серьезнее. И она совершенно не понимает, что происходит и что ей с этим всем делать! А главное, почему ей не все равно, в каком чертовом настроении явился ее чертов супруг! Она, между прочим, как приличная жена – ждала, радовалась его приходу, чуть на шею не бросилась! А он? Какого черта ему вообще надо, этому... этому проклятому некроманту?!

Глава 10, о красоте, которая страшная сила

Виен, Астурия. Кроненишутц

Людвиг

Этим вечером Людвиг ненавидел политику особенно сильно. Впрочем, политика отвечала полной взаимностью. Исключительно из ненависти к Людвигу политический курс Астурии относительно Франкии развернулся на сто восемьдесят градусов, и вчерашние противники сегодня стали чуть ли не лучшими друзьями. А он, верный подданный короны, чуть ли не предателем! И все почему? Потому что «не хватило гибкости и чувства момента»! Он, видите ли, должен был выслушать барона де Флера, проявить Барготом драную гибкость... упредить желание короля... Герман Энн, разумеется, не обвинял его прямо, еще бы он посмел. Но...

«Если бы ты не был таким прямолинейным, друг мой, нам было бы куда проще. Не пришлось бы пускаться в авантюры в самый последний момент».

В гробу он видал эту гибкость! Вместе с политическим чутьем! Пусть в эту дрянь кузен играет, ему по должности положено. А Людвиг со шпионами дел не имеет, и точка.

От злости он так сильно хлопнул дверью Оранжереи, что

золотой символ «корона над скрещенными мечами», на-
мертво приделанный на фронтоне, покосился и едва не упал.
Ему же на голову.

– Мобиль вашей светлости подан, – невозмутимо отра-
портовал Мюллер, дожидавшийся его на крыльце конторы. –
Прикажете сесть за руль?

Людвиг нехотя кивнул. Здравый смысл подсказывал, что
таким злым садиться за руль – верное убийство ни в чем не
повинной техники. И вообще, надо как-то расслабиться, что
ли. Отвлечься.

Прочитавший по хмурому лицу начальства все, что дол-
жен читать хороший адъютант, Мюллер достал из бардачка
плоскую фляжку и молча протянул Людвигу, едва тот сел на
заднее сиденье.

После пары-тройки глотков в животе потеплело, окружа-
ющий мир перестал казаться настолько мерзким, и Людвиг
даже нашел в себе моральные силы признать, что Герман не
так уж и неправ. Отчасти. Но высказывать Людвигу недо-
вольство все равно не имел права!

Чтоб она была здорова, эта политика!

Твердо решив отвлечься и подумать о чем-нибудь более
приятном, Людвиг прикрыл глаза...

– Приехали, ваша светлость, – голос адъютанта вырвал его
из сна.

Несколько мгновений Людвиг не мог сообразить, где он,
и куда делась его жена?

– Ваша светлость? – теперь уже Рихард, открывший перед ним дверцу мобиля.

– Наша, – буркнул Людвиг.

Баргот бы побрал... Людвиг не мог точно сказать, кого или что. Но сон был таким... О, как она стонала, как отдавалась! Как сладко прогибалась, принимая его в себя, и держалась за его плечи, и...

Нет, штаны были сухими. Хотя бы не опозорился во сне, как подросток. Но вот все прочее!

Прочее стояло. Как камень. И требовало сейчас же, немедленно, продолжить с того самого места, где закончился сон. Можно прямо в библиотеке. Или в гостиной. Да где угодно!

– Фрау Рина дома? – спросил он как можно равнодушнее и про себя порадовался, что нынче в моде длиннополые сюртуки, прикрывающие все, что следует прикрывать в таких случаях.

– Дома, герр Людвиг, – ответил Рихард и выразительно кивнул на длинный и черный, как катафалк, мобиль доктора Мессера.

Проклятье! Какие демоны его принесли?! Не то чтобы он имел что-то против герра Мессера, нет. Правильный медик, в политику и дворцовые игры не лезет, к партиям не прижимается, никого отравить не пытается. Но Барготовы же подштанники, заявиться так не вовремя!

К его жене.

Трижды проклятье.

Людвиг слишком хорошо помнил, как не желал возвращаться в собственный дом, где его не ждала Эльза. Течная сучка. Она готова была раздвинуть ноги перед кем угодно, кроме собственного супруга! Его она, видите ли, боялась и им брезговала. То ли дело трахаться с королем, чтоб ей земля была камнями!

И вот, пожалуйста. Новая жена – старые традиции. Первый день женаты, а она уже принимает гостей.

То, что она принимала доктора – которого сам Людвиг просил заехать – несколько поправляло дело, но... но... Все они одинаковы! Сегодня доктор, завтра – кузен...

Барготовы подштанники, за что ему такое наказание?

О том, что меффрау Амалия Вебер была бы наказанием куда худшим, он теоретически помнил. Но отвращения к статусу женатого человека и наличию в его доме очередной развратной красотки это не отменяло.

А все матушка, чтобы она жила вечно! Матушка, и кузен, и проклятая политика, и сама фрау Рина – как убедительно она притворялась испуганной, послушной и скромной! Чтобы в первый же день... О, Людвиг прекрасно помнил, как Гельмут смотрел на нее, а она – на Гельмута! Да тут святой мученик озверевает!

Чтобы не озвереть окончательно и не покрыться чешуей, Людвиг сделал дыхательные упражнения. На свежем воздухе, не заходя в дом. Дворецкий терпеливо ждал, когда хозя-

ин успокоится. Ему-то торопиться было некуда.

– Герр Мессер прибыл полчаса назад, – отчитался Рихард, принимая у Людвигу плащ и шляпу. – Ее светлость велели накрыть к чаю.

Людвиг поморщился. Вести светские беседы вместо хорошего секса – отвратительное занятие. Но выгнать герра Мессера нельзя. Лейб-медик непременно все доложит кузену, и кузен выест Людвигу мозг. Мол, сам не обольщаешь супругу – так мне не мешай.

Чтоб он жил вечно, любимый брат!

Может, ну ее, супругу? Поздороваться, сослаться на усталость и уйти к себе. Ужин в кабинете с видом на кладбище, очередная дядюшкина книга по некромантии и здоровый спокойный сон. А перед сном позвать эту, рыженькую. Камеристку. Не в веселый же квартал ехать, право слово!

Трогать супругу Людвигу резко расхотелось.

– Рихард, где там моя... э... супруга?

– В утреннем будуаре, герр Людвиг.

Утренний будуар Людвиг ненавидел почти так же, как политику. Именно там его покойная супруга принимала дорогого кузена, и наверняка не только его. Проверять точно Людвиг брезговал. Просто после гибели Эльзы выжег все остаточные эманации ее ауры и всех, кто бывал в ее комнатах, и велел их запереть. А теперь там поселилась новая заноза.

Ладно. Надо успокоиться. Ему все равно придется делать с ней наследников, от долга перед родом никуда не деться.

Да и сваливать свое проклятие на племянников или, Баргот упаси, Гельмута, будет не по-человечески. Хватит того, что проклятие поломало жизнь Людвигу. А его сын будет готов к своей ноше с рождения, Людвиг научит его всему, что знает сам. Всему, что добывал по крупицам, с кровью и слезами.

Ох, матушка! Вашу бы любовь, да в мирных целях!

К утреннему будуару он подошел почти спокойным. По крайней мере, никакой чешуи. И никакого подросткового стояка. К своей супруге он сейчас испытывал самые противоречивые чувства, и желания среди них определенно не было.

– Фрау Рина, герр Мессер, – он был готов быть милым и проявить гостеприимство. В конце концов, он герцог, а не хрен собачий. Но...

Его супруга только что кому-то отдалась. С удовольствием. Этих перламутровых взблесков ауры ни с чем не перепутаешь. К тому же, румянец на скулах, припухшие губы, довольная поволока в глазах. И она еще и посмела ему улыбаться! Делать вид, что рада ему!

– Людвиг? – радость в ее глазах сменилась недоумением и обидой так натурально, что он почти поверил.

Почти.

Поверил бы, если б она хотя бы дала себе труд почистить ауру и не так сиять!

А доктор... не сияет. Поэтому доктора он убьет потом. Не в собственном доме.

– Продолжайте, не буду вам мешать.

Людвиг даже не хлопнул дверью. Недостойны. Это – его дом, а от неверной супруги он избавится. Только не так, как от предыдущих двух. На это раз все будет мирно и прилично. И на этот раз он получит своего наследника. В конце концов, она подписала контракт – и она выполнит все, что обещала.

– Вы будете ужинать, герр Людвиг? – тихо спросил его Рихард.

– Разумеется. Сообщите фрау Рине, что я жду ее к ужину через... – Людвиг глянул на любимый хронометр, – четверть часа.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Когда Рихард сообщил, что его светлость ожидают супругу и доктора к обеду через четверть часа, Ринка по его сочувственно-официальному тону поняла, что дело плохо. И оказалась права.

Ужин, который в этом доме именовался обедом, прошел в недружественной официальной обстановке. Ринку усадили в торце длиннющего стола – метрах в трех от Людвига, сидящего в противоположном конце. Герру Мессеру досталось место сбоку и посередине, видимо, чтобы никого не обделить непринужденной беседой.

При этом столовая сияла голубоватым светом газовых

рожек, блестела хрусталем бокалов и подвесок на люстре, и подавляла гигантскими размерами и помпезностью. Что-то в духе Людовика Четырнадцатого. Или Шестнадцатого. Короче, чистый Версаль.

И розы. Опять повсюду белые розы. С Черным герцогом они сочетались просто великолепно. Дорогой супруг выглядел на их фоне как натуральный черный паук: нечеловеческая холодность и аристократизм, а со жвал – Ринке упорно казалось, что они вот-вот отрастут – капает яд. Или серная кислота. В общем, сейчас она очень хорошо понимала Амалию Вебер, и будь ее воля – сбежала бы.

Если б было, куда.

И этот человек показался ей нормальным и даже симпатичным? И этот человек снился ей в эротическом сне? Вот дура-то! Надо было отказываться от его любезного предложения. Те бродяги, конечно, манерами не отличались, но они хотя бы были людьми, а не чудовищами.

Впрочем, в столовой присутствовал человек, которому на Черного герцога было как минимум начхать. Скорее всего, и не такое видел.

Доктор Мессер с жизнерадостной улыбкой рассказал парочку анекдотов из жизни двора – Ринка категорически не поняла, в чем тут соль, и кто вообще эти люди, но была искренне доктору признательна за попытку. Потом доктор немножко обсудил с Людвигом какой-то новейший трактат, Ринка даже не поняла, по медицине или по магии.

Да и, честно говоря, ее это не особо интересовало.

У нее от переживаний даже аппетит пропал, хотя всего полчаса назад была голодна, как волк. А теперь гоняла серебряной вилочкой по изящной тарелочке что-то очень красивое и совершенно безвкусное.

– Фрау Рина, вам нужно хорошо кушать. Нервно-магическое истощение весьма коварно, – наконец-то обратил на нее внимание доктор.

В его внимании было очень, очень много сочувствия.

Ринка нашла в себе силы улыбнуться:

– Конечно, доктор. Благодарю вас.

Их кратчайший диалог прервал порыв ледяного ветра. Или Ринке только показалось? Белые тюлевые занавеси даже не шелохнулись, а вот Ринку чуть не заморозило.

Черный герцог изволил гневаться. Выразилось это в слегка, не более чем на миллиметр, сведенных бровях, на миг замершей в воздухе серебряной вилке и резком похолодании. Градусов этак на двадцать. Виртуально.

– Мы оба благодарим вас за визит, герр Мессер. Ваша помощь бесценна.

– Всегда к услугам вашей светлости, – как ни в чем не бывало улыбнулся доктор. – Совершенно изумительный штрудель, фрау Шлиμμαхер, как всегда, неподражаема.

– Великолепный штрудель, – принужденно улыбнулась Ринка. – Такого не подают даже при русском дворе.

– Рихард непременно передаст фрау Шлиμμαхер ваши

восторги, дорогая, – впервые за весь обед Людвиг обратился к Ринке напрямую.

Лучше бы он этого не делал. От пронзительно-черного взгляда ее продрала дрожь, и страшно захотелось сделать что-нибудь... что-нибудь... Да хоть тортом запустить в надменную физиономию! Или спеть неприличную частушку про ежика, елку и ершик. В качестве национального фольклора!

Ее спас от истерики Рихард. Молча воздвигся за плечом герцога и скрипуче покашлял.

– Рихард? – герцог слегка приподнял бровь. На полмиллиметра.

– Ваша светлость велели доставить для фрау Рины.

– Ах, да, – на полмиллиметра поднялись уголки тонких губ. – Небольшой подарок для моей прекрасной супруги. Надеюсь, вам понравится, дорогая.

Следующая сцена почти примирила Ринку с отсутствием супницы на голове Черного герцога. Потому что, когда он протянул руку за подарком для супруги, – не глядя, разумеется, – Рихард все так же невозмутимо положил ему на ладонь нечто... э... неожиданно большое и тяжелое. Ринка бы сказала, что это больше похоже на изящно упакованный и перевязанный бантиком кирпич, но таких здоровенных кирпичей она еще не встречала. Скажем так: небольшой такой ящичек кирпичей этак на шесть. Плоский.

Судя по тому, как Черный герцог сжал губы, весили кир-

пичи, как и положено кирпичам. И только врожденное (и хорошо натренированное) упрямство не позволило герцогу эти кирпичи уронить прямо на стол. Или себе на ногу.

А жаль. Ринка бы с удовольствием послушала, как он ругается. Наверное, и спесь бы с морды слезла. Вот нечего поручать выбирать подарки для жены дворецкому!

Но кирпичи на неудобно согнутой руке он удержал, зараза высокомерная. И даже бровью не пошевелил. Вместо этого воззрился на Ринку, как на мебель, и развязал ленточку. Неторопливо и изящно.

От любопытства Ринка чуть не подпрыгнула. Не она одна. Доктор тоже смотрел спектакль с нескрываемым удовольствием.

Ну, что же там, не томи!..

«Там» оказалась книга. Чертовски знакомая книга в перламутрово-зеленой кожаной обложке, с массивными золотыми застежками, инкрустированными чем-то каменно-драгоценным и чертовски крупным.

«Лучшие друзья девушки – бриллианты». Ага. Они самые.

Ринка почти ожидала увидеть те же, что и во сне, колко-электрические нити и услышать вкрадчивый шелест, но книга молчала. Притворялась обычной книгой. Но Ринка ей ни на грош не верила.

А заодно задалась вопросом: кто или что было причиной ее сна, а точнее, сложной наведенной галлюцинации. Не Лю-

двиг, сто процентов. И не доктор, он слишком удивленно рассматривает книгу, да и про иной мир он, похоже, не знает. Но кто? И зачем? И что теперь со всей этой катавасией делать?

– Вы же хотели больше узнать о драконах, дорогая, – отворачиваясь быстро сориентировался Черный герцог. – Эта книга хранится в нашей семье больше четырех веков. Теперь она ваша.

С любезной улыбкой, адресованной Ринке, он отдал книгу обратно Рихарду – и тот торжественно понес ее Ринке. Версаль, вашу ж за ногу. Лувр! Наверное, какая-то там Медичи вот с такой же улыбкой дарила отравленную книгу своему неудачному сыну, Генриху Третьему. Вроде. В истории Ринка была не особо сильна, но сериалы время от времени посматривала. Так вот – очень похоже. Особенно ледяная жажда чьей-то смерти в бездонных некромантских глазах.

Зачем, спрашивается, женился, если в первый же день уже хочет убить? Вот что ему такого Ринка сделала? Он хотел послушания – она слушалась. Он хотел, чтобы она выглядела аристократкой – она тоже послушалась. Он хотел, чтобы она родила ему наследника – она была готова хоть сегодня же этим заняться! А он?!

Чтоб ты подавился! Чтоб ты весь чешуей покрылся и неровно облез!

– Как это мило с вашей стороны, дорогой! Я невероятно вам признательна, – пропела она, принимая из рук дворец-

кого книгу.

– Я рад, доро... – начал с убийственной вежливостью Людвиг и схватился за горло, закашлялся. К нему тут же бросился доктор, метнувший на Ринку озадаченный взгляд, хлопнул его по спине.

Из рта Людвиг вылетело что-то черное, слюдянисто блестящее. Похожее на чешуйку. И кожа на лице приобрела странный блеск, покрылась сеточкой рисунка. И руки тоже. А глаза замерцали мертвенно-синим, как газовая горелка. Даже жвалы показались – или Ринке уже померещилось со страху.

Ой, мама.

Ой-ой-ой, мама! Хочу обратно, домой! К милому, обычному, скучному Петечке! К его дюжине наглаженных рубашек, офисным галстукам и ежевечернему чтению новостей! Не надо мне этой вашей магии, и сказок не надо, и драконов не надо!..

В руках у Ринки что-то пошевелилось. Обиженно. Ей даже показалось, что кто-то прошелестел: ну, я так не играю!

Все. Совсем крыша поехала.

– Благодарю, доктор, – прохрипел Людвиг, которому герр Мессер подал бокал воды. – Тяжелый день, прошу нас простить.

– Я все понимаю, ваша светлость. Хорошего вам вечера, – тут же откланялся доктор и, ободряюще улыбнувшись Ринке, ушел.

Сбежал, можно сказать.

Что ж. Отличный план!

— Очень тяжелый день, ваша светлость. — Ринка встала из-за стола, прижимая к груди книгу, словно та могла ее защитить от чудовища. — Я пойду к себе.

Ответа она ждать не стала, развернулась и спаслась бегством. И ей даже совершенно неинтересно было, покроется Людвиг чешуей полностью и отрастут ли у него жвалы. Совсем-совсем неинтересно! И полевые испытания она проведет как-нибудь потом. Не сегодня.

И грохот разбитой посуды позади, когда она вылетала в дверь, ей слышался.

И укоризненно качающий головой полупрозрачный незнакомец, мимо которого она пробежала, померещился.

А вот замок на двери, отличный крепкий замок на отличной дубовой двери, был самым настоящим. Как и тяжеленное кресло с парчовой обивкой, которым Ринка подперла дверь изнутри.

Уф. Вот так-то лучше. Авось дорогому супругу сегодня будет не до первой брачной ночи! А если ему чего-то такого захочется, пусть ищет себе большую, красивую паучиху. Может она даже будет так любезна, что его съест.

— Что это вы делаете, мадам? — раздалось от двери в смежную комнату.

Ринка обернулась, пожала плечами. Улыбнулась.

— Вечерний моцион. Из твоей комнаты есть дверь наружу?

– Конечно, мадам. Негоже вас беспокоить, бегая туды-сюды!

– Ага... давай-ка быстренько принести чего-нибудь поесть, и запири дверь изнутри. Она ж запирается?

– Дак... вроде да... а... – Магду разрывало на части любопытство и желание как можно лучше услужить госпоже, и потому она зависла, как девяносто пятая винда. Бедняжка.

– Бегом! – дала нужную команду Ринка, чем несказанно облегчила рыжей муки выбора.

Через пять минут, которые Ринка провела у окна – фантастически красивый сад с мерцающими огоньками завораживал и успокаивал, как ничто другое, – вернулась Магда с подносом. Ринка как раз отдышалась, успокоилась и даже начала соображать здраво. То есть приняла взвешенное решение не рубить сгоряча, а для начала собрать больше информации – о мире, о Людвиге, о ситуации. Возможно, посоветоваться с кем-то, кто знает Людвига близко. Да в конце концов, газеты почитать! С ее-то умением фильтровать информацию, натренированным потоком пропаганды и страшилок из каждого утюга, грех не разобраться.

А к Людвигу пока не подходить близко. На всякий случай. А то мало ли!

И поесть, наконец! На голодный желудок какой только дряни не примерещится.

Штрудель и в самом деле оказался выше всяких похвал. Особенно с мятным чаем. И шариком сливочного мороже-

ного. Да и котлетка... м... какая котлетка!..

– Ты сама-то поужинала? – на половине котлетки вспомнила Ринка о правилах вежливости, и тут же прикусила язык.

Вежливость в разных мирах – разная, надо уже это принять и успокоиться.

– Благодарствую, мадам, я уж того... на кухне-то... – Магда зарделась от удовольствия, на открытом полудетском лице читался восторг: какая добрая хозяйка попалась, чистое счастье!

– Вот и отлично, – Ринка даже немного смутилась.

Впрочем, когда котлетка закончилась, то и смущение прошло. Чего смущаться-то? Она дала девочке работу, если (когда) та захочет замуж – то и приданое даст. Если, конечно, ее до тех пор саму не съедят.

А чтобы не съели, надо все же узнать побольше.

– Фрау Шлиμμαхер настоящая волшебница. Ее штрудель мертвого из могилы выманит, – вздохнула Ринка, подбирая последний кусочек вишни с тарелки. – Ты же с ней познакомилась? Рассказывай.

Магда тут же расцвела и принялась выкладывать новости. Все подряд, Ринка не перебивала, лишь иногда задавала наводящие вопросы.

Выяснилось довольно много интересного. Для начала, этот дом вместе с титулом и даром Людвиг унаследовал от дяди, старшего брата матери – той самой фрау Бастельеро,

что едва не уморила Ринку проклятием. У дяди был наследник, года на три старше Людвиг. Фрау Шлиммахер утверждает, что очень умный, спокойный и милый мальчик, всю учился и к тринадцати годам, когда погиб вместе с отцом, уже был сильным магом.

О сути семейного дара Магда ничего толкового не рассказала. Только делала большие глаза, вздрагивала и выдавала идиотские городские сплетни.

– Ох и зря не верите-то, мадам! В Пустоши такие твари водятся, такие!.. о восьми ногах, девяти глазах и с зубищами, как офицерская шпага! Вот вам круг!

– Почему же, верю, – успокоила ее Ринка. – Ты лучше о доме.

– Ага... так вот, в подвале здесь лаботи... лариба...

– Лаборатория?

– Она ж самая! Слово-то какое, язык сломаешь! И там, в ентом ларибе... ну, в подвале то бишь, всякие струменты стоят. Дорогушие, жуть! Их светлость, старый герцог, из самого Лундена выписывали, от альвов! Туда даже горничных не пускают, чтобы чего не поломали. Сам герр Рихард полы моет! А мне и одним глазком глянуть не вышло... Но это ничего, вот завтра... – Магда внезапно смутилась. – Я ж вам обсказать все должна!

Ринка устало улыбнулась и потрепала Магду по слегка растрепавшимся волосам.

– Узнаешь, только осторожно. Не хочу, чтобы Рихард тебя

отругал.

– А фрау Шлиμμαхер говорит, ему сто лет! Она совсем маленькой была, он уже тут служил, и был таким же старым, вот! Наверное, он вовсе даже не человек! А это, как его... вомпер, вот!

– Ерунда.

– Вот и не ерунда! Герр Мюллер сказал, он кровь пьет! Как какую служанку ночью поймает, так и пьет, прям из шеи. Жутко-то как... мадам, можно я не буду по ночам выходить? А то вдруг он и меня... – Магда испуганно схватилась за горло, словно ее уже кто-то попытался укусить. – Эта, если вам чего надо будет, я сбегая, только... ох, они, говорят, серебра боятся. Я канделябру с собою носить буду, можно? Вон ту, о трех свечах. Она тяжелая, авось отмахаясь...

– Да хоть два канделябра, – кивнула Ринка. Убеждать девочку, что вампиров не бывает, она не стала. Кто их разберет, что тут водится! Может и вампиры. А что, запросто. Герцог – некромант, дворецкий – вампир, камердинер вообще черт хвостатый.

– Ой, благодарствую, мадам! Вы вот тоже бы ночами не ходили. Тут всяко бывает... – Магда понизила голос. – В гостиной портрет висит, там злой старик, он как на меня зыркнет, и прям ветром, ветром по шее, я чуть не сомлела! А потом шаги, да прям за мной, а я как остановилась, да обернулась, а там никого! Призраки, верно! Ох... вы ж не боитесь призраков, мадам?..

– Не боюсь. И ты не бойся, призраки ничего тебе не делают.

Разговор все больше напоминал Ринке вечер страшилок родом из школьного детства. Осталось только рассказать про Черную Руку и Красное Печенье. Самая та компания для вампиров.

Магда продолжала что-то такое рассказывать, но Ринка уже толком не слышала. Усталость давала себя знать. И страх. Хотя она и не верила в страшилки, но сегодняшний день здорово пошатнул ее научный скептицизм. Одни чешуйки на лице Людвига чего стоили. Хотя, может быть, просто свет так падал, и ей все показалось? Наверняка завтра утром окажется, что она придумала себе страхов на пустом месте...

– Ой, слышите, мадам? Это он, старик с портрета! – Магда приложила палец к губам и повернулась к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.